

На правах рукописи

Гузеева Ольга Сергеевна

**СИСТЕМООБРАЗУЮЩИЕ КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ
УГОЛОВНОГО ПРАВА РОССИИ И МЕХАНИЗМЫ ИХ РЕАЛИЗАЦИИ**

5.1.4 – Уголовно-правовые науки

АВТОРЕФЕРАТ

**диссертации на соискание ученой степени
доктора юридических наук**

Москва, 2022

Работа выполнена на кафедре уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Юридического института Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Российский университет дружбы народов»

Научный консультант: **Ястребов Олег Александрович,**
доктор юридических наук, профессор

Официальные оппоненты: **Бриллиантов Александр Владимирович,**
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации,
заведующий кафедрой уголовного права
Российского государственного университета
правосудия

Яцеленко Борис Викторович,
доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой уголовного права и
криминологии Всероссийского
государственного университета юстиции (РПА
Минюста России)

Ображиев Константин Викторович,
доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой уголовно-правовых
дисциплин Университета прокуратуры
Российской Федерации

Ведущая организация: Федеральное государственное казенное
образовательное учреждение высшего
образования «Санкт-Петербургский
университет Министерства внутренних дел
Российской Федерации»

Защита состоится «06» октября 2022 года в 14:00 часов на заседании диссертационного совета ПДС 0900.006, созданного на базе ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов», по адресу: 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6, ауд. 347, зал заседаний диссертационного совета.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке и на официальном сайте ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов» по адресу: <http://dissovet.rudn.ru>

Автореферат разослан «__» _____ 2022 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета ПДС 0900.006
кандидат юридических наук

О.А. Кузнецова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Развитие и применение уголовного законодательства, которое по своей природе является крайним средством реагирования государства на общественно опасное поведение, должно осуществляться на основе строгого соблюдения конституционных стандартов, определяющих содержание прав человека и пределы действий государства по их ограничению в интересах обеспечения безопасности значимых социальных ценностей. Будучи подтвержденным Конституционным судом РФ, это требование призвано определять содержание правотворческой и правоприменительной практики, выступая одновременно условием и показателем качества уголовного закона. Его последовательное выполнение предполагает не только теоретическое уяснение и раскрытие содержания конституционных принципов регулирования уголовно-правовых отношений, но и воплощение в реальных правовых отношениях, а также постоянный мониторинг текущей работы законодательных и судебных органов на предмет соблюдения конституционных стандартов и наличие эффективно действующего механизма выявления и устранения любых отклонений от него.

Для обозначения целостного комплекса вопросов, связанных с организацией процесса реализации конституционных начал в отраслевом правовом регулировании, характеристики и оценки его результатов в правовой доктрине используется термин «конституционализация права».

Конституционализация уголовного права, будучи сама по себе важным правовым процессом, обеспечивающим условия легитимации отрасли, призвана решить ряд текущих проблем, обсуждение которых позволяет специалистам делать вывод о кризисном состоянии уголовного права: гарантировать соблюдение системных начал уголовно-правового регулирования, исключить внутритраслевые и межотраслевые противоречия уголовного закона, обеспечить дозированное, минимально необходимое для безопасного функционирования общества применение уголовно-правовых средств, способствовать повышению уровня правовой определенности уголовного закона, преодолеть противоречия правотворческого и правоприменительного уровней реализации уголовно-правовой политики, служить препятствием на пути неоправданного ограничения прав и свобод человека, раскрыть гуманитарный и гуманистический потенциал уголовного права.

При всей непреходящей ценности феномена конституционализации уголовного права приходится с сожалением констатировать, что он еще не в полной мере приобрел статус приоритетного направления научных исследований: опубликовано откровенно мало научных работ, посвященных этой теме, не разработан и не исследован механизм конституционализации уголовного права, в целом не сложился устойчивый научный дискурс, связанный с обсуждением

вопросов соответствия уголовного закона основным конституционным началам регулирования уголовно-правовых отношений.

Между тем к сегодняшнему дню накоплен богатый опыт конституционной экспертизы отдельных положений уголовного закона Конституционным судом РФ, на нормативном и правоприменительном уровне определено значение Конституции РФ, международных актов гуманитарного права, решений органов конституционной и международной юстиции для формирования и применения уголовно-правовых норм. Этот опыт требует анализа, обобщения, систематизации, создает надежный эмпирический фундамент необходимых теоретических исследований.

Представляется, с учетом сказанного, что исследование целостного комплекса проблем, связанных с воплощением в уголовно-правовых нормах и институтах принципов и ценностей конституции, должно стать актуальной задачей уголовно-правовой науки на современном этапе ее развития. Конституционализация уголовного права должна стать центром уголовно-политических и уголовно-правовых дискуссий, основой научного и широкого общественного диалога о состоянии и перспективах уголовного-правового регулирования.

Степень разработанности темы. Развитие конституционных положений в уголовном законе и соответствие уголовно-правовых норм предписаниям конституции страны в той или иной степени всегда привлекали внимание отечественных специалистов. Но только в 2006 году состоявшийся в МГУ им. М.В. Ломоносова I Всероссийский конгресс по уголовному праву, специально посвященный конституционным основам отрасли, возвел проблему конституционализации уголовно-правовых норм в ранг самостоятельной и актуальной темы¹. Состоявшееся здесь обсуждение выявило целый ряд значимых, но по преимуществу частных вопросов, к тому же пути и механизм их решения были по большей части лишь обозначены в качестве перспективы. В качестве глобальной темы проблема инструментального раскрытия нормативного предписания ч. 2 ст. 1 УК РФ о том, что Уголовный кодекс основывается на Конституции РФ, была сформулирована А.Э. Жалинским в 2009 году². Однако за прошедшее время опубликовано лишь две монографические работы, которые могут претендовать на статус обобщающих научных исследований конституционализации уголовного права – С.А. Антипова и А.В. Елинского³.

Анализ показывает, что основные усилия специалистов сосредоточены по преимуществу на изучении, безусловно, важных, но отдельных, частных аспектов отраслевой конституционализации уголовного права. Связь Конституции РФ и

¹ Конституционные основы уголовного права: материалы I Всерос. конгресса по уголовному праву / отв. ред. В.С. Комиссаров. – М.: Проспект, 2006.

² Жалинский А.Э. Уголовное право в ожидании перемен. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2009. – С. 352 – 363.

³ Антипов С.А. Конституционные основы Общей части уголовного права. – М.: Проспект, 2012; Елинский А.В. Проблемы уголовного права в конституционном измерении. – М.: Юрлитинформ, 2012.

уголовно-правового регулирования исследуется в аспекте понимания предмета и метода уголовного права (Н.В. Генрих), пределов осуществления права государства на наказание (Т.Г. Понятовская), источников уголовного права (К.В. Ображиев), его межотраслевых связей (Н.И. Пикуров), криминализации (Ю.Е. Пудовочкин), а также некоторых уголовно-правовых институтов и конструкций, например: административной преюдиции (Н.А. Лопашенко), освобождения от уголовной ответственности (А.В. Ендольцева), ответственности за экономические преступления (Г.А. Русанов) и др. Такой подход к организации научных исследований, вне сомнений, способствует решению текущих проблем уголовно-правового регулирования, сосредотачивая внимание на наиболее проблемных его участках. Однако нельзя не признать, что он реализуется, с одной стороны, несистемно, а с другой стороны, в определенном теоретическом вакууме, связанном с отсутствием общей теории конституционализации уголовного права. Ее построение предполагает необходимость разработки таких недостаточно и неполно изученных в науке вопросов, как понятие и механизм конституционализации уголовного права, конституционный статус государства и личности как субъектов уголовно-правовых отношений, конституционные требования к конструированию и применению двух базовых, фундаментальных институтов уголовного права – преступления и наказания. Потребность в их обсуждении и разработке на этой основе общих подходов к конституционализации уголовного права служат дополнительным фактором, актуализирующим выбор темы исследования и определяющим его основные направления.

Объект диссертационного исследования составляют общественные отношения, в рамках и посредством которых обеспечивается воплощение конституционных основ уголовно-правового регулирования в процессе создания и применения уголовно-правовых норм.

Предмет диссертации – механизм конституционализации уголовного права, его отражение в нормах и практиках российского уголовного и конституционного права, а также результаты функционирования в современном российском политико-правовом пространстве. Рамки предмета сознательно ограничены концептуальным уровнем анализа, предполагая обсуждение и интерпретацию конституционных требований к статусу субъектов уголовно-правовых отношений, определению общих, категориальных признаков преступления и наказания. Направленность работы не предполагает включение в орбиту анализа множества вопросов, которые условно можно назвать «частными» вопросами теории преступления и наказания. Речь идет о проблемах соучастия, множественности преступлений, неоконченного преступления, отдельных видов наказаний и правил их назначения. Исследование проблем конституционализации этих предписаний уголовного закона может составить перспективные направления последующих разработок.

Цель диссертационного исследования заключается в разработке и аргументации фундаментальных положений концепции, определяющей содержание и механизмы конституционализации уголовного права.

Задачи диссертационного исследования, последовательное решение которых позволило достичь заявленной цели, состоят в следующем:

- конкретизировать и адаптировать для целей уголовного права, с учетом его специфики, общее учение о конституционализации права;
- исследовать институциональные и системные характеристики механизма конституционализации уголовного права;
- проанализировать функциональные аспекты механизма реализации конституционных положений в уголовном праве;
- раскрыть содержательную генетико-функциональную связь уголовно-правовых и конституционно-правовых отношений;
- проанализировать конституционные основы правового статуса государства и личности как субъектов уголовно-правовых отношений;
- детализировать содержание конституционных требований к пониманию признака противоправности преступления;
- обосновать особенности установления уголовной ответственности за деяния, связанные со злоупотреблением правом и нарушением норм регулятивного законодательства;
- конкретизировать конституционные представления об общественной опасности преступления в контексте анализа содержания и иерархии конституционных ценностей;
- оценить конструкцию уголовно-правового запрета в контексте конституционных положений об основаниях и пределах ограничения прав и свобод граждан;
- конкретизировать содержание конституционных требований к конструированию и применению уголовных наказаний;
- обосновать наличие конституционно обусловленной специфики уголовного наказания в системе мер противодействия преступлениям;
- обосновать перспективные решения в области установления и реализации уголовно-правовых запретов с позиций конституционно допустимого ограничения прав и свобод человека.

Методологическая основа диссертационного исследования образована совокупностью философских, общенаучных и специально-юридических средств и способов познания, обеспечивающих объективность и всесторонность в изучении проблем конституционализации уголовного права. Философскую базу диссертации составили категории и принципы диалектики, предъявляющей к процессу исследования социальных явлений требования логической определенности, исторической конкретности, связи теории с практикой.

Методологическая основа исследования predeterminedена междисциплинарными познавательными возможностями конституционного правопонимания и состоятельностью его гносеологического и аксиологического потенциала.

В основу исследования положены системный и структурно-функциональный методы познания. Их постулаты и важнейшие понятия («модель», «структура», «функция», «система», «элемент», «оптимальность» и др.) позволили рассмотреть механизм конституционализации уголовного права в единстве образующих его компонентов и в качестве элемента общего механизма правового регулирования общественных отношений. Для раскрытия отдельных аспектов темы использованы возможности рискологического анализа.

В процессе подготовки работы использованы общенаучные (анализ, синтез, индукция, дедукция, аналогия, классификация) и частно-научные методы уголовно-правовых исследований (логико-юридический, сравнительно-правовой, статистический, метод анализа документов, экспертный опрос).

Нормативную основу диссертации образуют:

– Конституция РФ, устанавливающая основы уголовно-правового регулирования, определяющая основания и пределы ограничения прав и свобод человека в интересах обеспечения безопасности;

– документы международного права, определяющие основание и пределы ограничения прав и свобод граждан (Всеобщая декларация прав человека (1948), Конвенция Совета Европы о защите прав человека и основных свобод (1950), Международный пакт о гражданских и политических правах (1966) и др.);

– Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ, иные федеральные законы, содержащие предписания об ограничении прав и свобод человека, совершившего преступления;

– документы, регламентирующие законотворческую деятельность, включая регламенты Государственной Думы и Совета Федерации, Закон «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» и др.

В сравнительно-правовом аспекте были изучены конституционные и уголовно-правовые акты ряда зарубежных стран (Австрии, Беларуси, Бельгии, Великобритании, Венесуэлы, Германии, Греции, Дании, Ирана, Испании, Италии, Китая, Кубы, Мексики, Португалии, Турции, Франции, Швеции, Швейцарии).

Эмпирическая база диссертационного исследования включает в себя:

– итоги изучения правовых позиций Конституционного суда РФ по вопросам конституционного толкования правовых норм (прежде всего, норм УК РФ), устанавливающих основание и содержание ограничения прав и свобод человека, включая постановления Конституционного суда РФ (115 документов) и определения Конституционного суда РФ (187 документов), принятых в период с 1992 по 2020 год;

– результаты анализа правовых позиций Европейского суда по правам человека по вопросам, связанным с соблюдением прав человека в процессе уголовно-правового регулирования (22 документа);

– итоги обобщения правовых позиций Верховного суда РФ, раскрывающих общеобязательное содержание уголовно-правовых норм и правила их применения (10 документов);

– материалы изучения документов, отражающих процесс законотворческой деятельности (законопроекты, пояснительные записки к законопроектам (123 документа), заключения профильных комитетов Государственной Думы (116 документов), профильных комитетов и Правового управления Аппарата Совета Федерации (80 документов), отзывы на законопроекты о внесении изменений и дополнений в УК РФ (50 документов), размещенных в сети Интернет на официальном сайте Государственной Думы и Федерального Собрания РФ;

– итоги изучения особых мнений судей Конституционного суда РФ по отдельным решениям Конституционного суда РФ (10 документов);

– материалы научных конференций, посвященных проблемам конституционализации уголовного права, обеспечения качества и эффективности уголовного закона («Конституционные основы уголовного права», 2006; «Системность в уголовном праве», 2007; «Современная уголовная политика: поиск оптимальной модели», 2012 и др.);

– данные, полученные в процессе анкетирования работников научных и образовательных организаций высшего образования, представляющих специальности конституционного и уголовного права (163 человека), которое было проведено в 2020 – 2021 годах;

– результаты неформализованных интервью с экспертами в области уголовного права (докторами юридических наук), проводимых соискателем на всероссийских научных конференциях в 2019 – 2021 гг.

Теоретическая основа диссертации представлена:

– базовыми положениями конституционной теории, включая учение о конституционализации (В.Д. Зорькин, В.И. Крусс, Т.Я. Хабриева и др.), конституционном правопонимании (О.Е. Кутафин, В.С. Нерсисянц, Б.С. Эбзеев и др.), конституционной аксиологии (Н.С. Бондарь, В.А. Кряжков, С.П. Маврин и др.), применении Конституции РФ (М.В. Баглай, В.В. Ершов и др.), конституционном статусе личности (Н.В. Витрук и др.);

– общей теорией уголовной политики, сложившейся под влиянием работ М.М. Бабаева, С.С. Босхолова, А.И. Бойко, А.И. Герцензона, Н.И. Загородникова, А.И. Коробеева, Г.Ю. Лесникова, Н.А. Лопашенко, Л.М. Прокументова, А.А. Тер-Акопова, В.Д. Филимонова и др.;

– учением о предмете, методе и источниках уголовного права, которое было заложено и развито в трудах Н.В. Генрих, Ю.В. Голика, А.Э. Жалинского, И.Э. Звечаровского, М.А. Кауфмана, Т.В. Кленовой, М.И. Ковалева, В.П. Коняхина,

Н.М. Кропачева, А.В. Наумова, К.В. Ображиева, Т.Г. Понятовской, Н.И. Пикурова, Ю.Е. Пудовочкина и др.;

– учением о преступлении, которое сложилось в работах Н.Д. Дурманова, Н.Г. Иванова, А.П. Козлова, Н.Ф. Кузнецовой, В.Н. Кудрявцева, Ю.И. Ляпунова, В.В. Мальцева, А.А. Пионтковского, А.И. Рарога, Е.Н. Рахмановой, П.А. Фефелова и др.;

– учением о наказании, которое было сформировано в трудах А.А. Арямова, А.В. Бриллиантова, И.М. Гальперина, В.К. Дуюнова, И.И. Карпеца, В.Е. Квашиса, С.И. Курганова, А.Ф. Мицкевича, И.С. Ноя, А.А. Толкаченко, М.Д. Шаргородского и др.

Научная новизна диссертации состоит в том, что в ней на основе методологии конституционного правопонимания и с учетом научно обоснованного концепта конституционализации отраслей российского права разработана и обоснована концепция конституционализации уголовного права Российской Федерации. В рамках данной концепции:

– определены направления и цели конституционализации уголовного права как процесса воплощения в уголовном законодательстве конституционных стандартов ограничения и защиты прав человека;

– представлены результаты структурно-функционального анализа механизма конституционализации уголовного права, его объекта, субъектов и способов их взаимодействия;

– установлено функциональное тождество конституционализации уголовного права и процесса применения Конституции РФ субъектами регулирования уголовно-правовых отношений на нормативном и индивидуальном уровнях, конкретизированы формы реализации конституционных норм;

– дана развернутая характеристика взаимосвязи конституционно-правовых и уголовно-правовых отношений с использованием концепта «правовой статус участника правоотношения», определено содержание уголовно-правового статуса государства и личности;

– выявлена и проанализирована структура противоправности преступления, определены роль и значение элементов этой структуры в механизме криминализации общественно опасных деяний и в инфраструктурном обеспечении принципа законности;

– определены особенности механизма установления уголовной ответственности за неправомерные деяния, связанные со злоупотреблением правом со стороны представителей государства и частных лиц;

– сформулированы правила инструментального учета межотраслевых связей уголовного права, обеспечивающие конституционную легитимность конструирования и применения уголовно-правовых норм с бланкетной диспозицией;

– раскрыт потенциал методологии рискологического анализа для инструментальной оценки общественной опасности в качестве производной от обратной пропорциональной зависимости значимости охраняемых конституционных ценностей от величины угрозы причинений ей вреда неправомерным поведением субъекта;

– установлены конституционно значимые признаки уголовного наказания, качественно отличающие его от иных правоограничительных мер, направленных на предупреждение преступлений и обеспечивающих его самостоятельную природу;

– представлен содержательный анализ института уголовного наказания с позиций соблюдения при его конструировании конституционных стандартов ограничения прав и свобод человека.

Основные положения, выносимые на защиту

1. Конституционализация уголовного права представляет собой процесс воплощения в содержании уголовного законодательства и в практике его применения конституционных стандартов регулирования уголовно-правовых отношений в целях достижения в обществе оптимального баланса свободы и безопасности. Перманентность этого процесса предопределена трансформационной динамикой уголовно-правовых норм как объекта конституционализации, конституционных норм как идеала их соответствия, социально-политической и культурно-исторической обстановки как условий, в которых протекает толкование и применение правовых норм.

2. Механизм конституционализации уголовного права в единстве его структурных и функциональных характеристик представляет собой систему действий, отражающих предопределенную разделением властей роль субъектов конституционализации, и систему их взаимодействия в общем процессе применения государством конституционных норм для регулирования уголовно-правовых отношений. Каждый структурный элемент этого механизма (парламент, президент, суды) обладает самостоятельной функцией, компетенцией и технологиями в деле воплощения конституционных стандартов в уголовно-правовом регулировании. Взаимодействие же субъектов развивается постоянно и циклически, следуя логике опровержения презумпции конституционности деятельности государственных органов на этапах правотворчества и правоприменения, притом замыкает цикл Конституционный суд РФ как единственный орган, наделенный полномочиями по подтверждению или опровержению конституционности уголовно-правовых норм.

3. Каждый из этапов правового регулирования предполагает свои приемы конституционализации уголовного права. На этапе правотворчества (общего правового регулирования) конституционализация осуществляется посредством конкретизации конституционных норм в уголовном законодательстве; поскольку пределы конкретизации права заданы исключительно нормативным уровнем правового регулирования, субъектом конкретизации уголовного закона выступает

исключительно парламент. На этапе правоприменения (индивидуального правового регулирования) конституционализация уголовного права обеспечивается конституционным толкованием подлежащих применению или примененных уголовно-правовых норм; субъектом конституционализации здесь выступает суд. Конкретизация и толкование права – последовательно разворачивающиеся и постоянно повторяющиеся процессы, в своей совокупности обеспечивающие достижение цели конституционализации уголовного права.

4. Взаимосвязь государства и личности, в рамках которой государство обладает правом на издание уголовного закона, а граждане наделены обязанностью следовать его предписаниям, не может рассматриваться ни как часть предмета конституционного права, ни как часть предмета уголовного права. Познавательные и объясняющие возможности концепций основополагающих конституционных и общерегулятивных уголовно-правовых отношений в данном случае не представляются эффективными. Соответствующие права государства и обязанности личности выступают элементами предустановленного на конституционном уровне правового статуса участников уголовно-правового отношения, обусловлены социальной природой субъектов и неотчуждаемы от них. Они образуют не содержание каких-либо особых правовых отношений, но выступают необходимой предпосылкой возникновения классических охранительных уголовно-правовых отношений.

5. Субъектами уголовно-правового отношения выступают государство и все лица, совершившие предусмотренное уголовным законом деяние, вне зависимости от их способности нести уголовную ответственность. В конституционном и доктринальном позиционировании уголовно-правового статуса этих субъектов до сих пор присутствует сильное влияние правовой концепции властеотношений, при которой государство в большей степени выступает как источник обязанностей личности, нежели гарант ее прав. Конкретизация уголовно-правового статуса государства и личности в результатах правотолковательной деятельности Конституционного суда РФ заставляет переосмыслить эту ситуацию. Конституционная специфика статуса государства состоит в том, что он воплощается по преимуществу в обязанностях государства, тогда как статус личности как слабой стороны отношения конкретизирован в ее правах. При этом правовой статус государства и личности в уголовно-правовых отношениях должен восприниматься как категория развивающаяся, общие контуры которой уточняются по мере развития права и утверждения правовой доминанты в функционировании государства.

6. Противоправность преступного деяния как его конститутивный признак обладает собственной структурой, которую образуют две самостоятельные характеристики, отражающие на первом уровне – свойства деяния, подлежащего криминализации (его неправомерность), а на втором – результат криминализации (предусмотренность преступления в уголовном законе). Неправомерность подлежащего криминализации деяния выражает системные свойства права и

акцессорную роль уголовного закона в процессе реагирования на два вида неправомерного поведения: злоупотребление правом и нарушение предписаний регулятивных норм. Только изначально неправомерное деяние может быть предусмотрено в законе в качестве преступления. В свою очередь, предусмотренность в законе воплощает требования принципа законности и включает в себя три компонента: описание преступления в федеральном кодифицированном законе, соответствующем конституции страны; соблюдение стандартов правовой определенности при конструировании состава преступления; исключительно уголовно-правовой характер санкции. Каждая из этих характеристик наполнена самостоятельным смыслом и обеспечивает гарантии прав человека в процессе уголовно-правового регулирования.

7. В процессе установления и реализации ответственности за злоупотребление правом следует предварительно определить содержание и пределы субъективных прав граждан, а затем, руководствуясь доктриной приоритета содержания над формой поведения субъекта, конструировать и применять состав преступления при условии, что вред от злоупотребления причиняется прямо или опосредованно правам и свободам граждан, поскольку криминализация злоупотребления правом, при котором вред причиняется исключительно интересам государства, конституционно недопустима. Отражение концепции злоупотребления правом в сфере уголовно-правовых отношений позволяет реализовать индивидуальную ответственность представителей государства за реализацию неправомерной политики нарушения прав человека, за нарушение прав человека представителями государства в процессе применения правовых законов, за злоупотребление правом со стороны граждан в качестве способа и содержания преступного деяния.

8. Установление уголовной ответственности за нарушение регулятивных норм, определяющих порядок реализации субъективных прав и его пределы с использованием приема бланкетного описания признаков состава преступления, избавляет правоприменителя от необходимости устанавливать объем и содержание этих прав и в этом отношении обладает сравнительно большим уровнем правовой определенности. Конституционная легитимность бланкетной диспозиции обеспечивается: отказом от признания нормы бланкетной, если регулятивное законодательство не знает легальных форм описанного в ней «незаконного» поведения; допустимостью ссылок лишь на общеобязательные регулятивные предписания; системным, иерархическим, непротиворечивым и подконституционным содержанием федеральных и региональных регулятивных норм; обеспечением равенства граждан за счет включения в состав преступления признаков, позволяющих универсализировать основание ответственности.

9. Перспективным направлением теоретического исследования и уголовно-правовой инструментализации общественной опасности в качестве признака преступления должна стать ее оценка не с позиций причиненного преступлением вреда, а с точки зрения вероятности причинения вреда конституционно значимым

ценностям, что предполагает подключение потенциала методологии рискологического анализа для познания общественной опасности. Криминальную общественную опасность, необходимую и достаточную для установления уголовной ответственности, следует позиционировать как производную функции обратной пропорциональной зависимости между такими переменными, как значимость охраняемой ценности и величина угрозы причинения ей вреда: чем более значима конституционная ценность, тем меньшей будет выраженность угрозы, наличие которой дает основание для признания посягательства преступным. В соответствии с постулатами рискологии следует дополнительно отметить, что на оценку общественной опасности преступления непосредственно влияют также свойства субъекта оценки, в том числе уровень его правовой и конституционной культуры.

10. Уголовно-правовая оценка общественной опасности преступления требует подключение теории конституционных ценностей к исследованию объекта преступления. В отсутствие предустановленной иерархии конституционных ценностей и признания их равнозначимыми все объекты преступления, будучи по природе своей конституционно значимыми ценностями, являются равновеликими и не могут сопоставляться друг с другом по шкале от менее ценных к более ценным, в связи с чем сопоставление опасности преступлений только на основе характера общественной опасности неоправданно. В основе оценки опасности преступлений должен лежать не сам по себе объект преступления, а степень его повреждения, вероятные и реальные последствия и иные обстоятельства. Сравнительная оценка конституционных ценностей, не позволяя выстроить их иерархию, тем не менее дает возможность соотнести между собой в каждой конкретной ситуации конкурирующие ценности в целях достижения между ними баланса в процессе криминализации деяний и применения уголовного закона.

11. Описание в диспозиции уголовно-правовой нормы тех или иных видов поведения, изначально обладающих свойством опасности и неправомерности, не может рассматриваться как проявление уголовно-правового ограничения прав и свобод человека. Напротив, поскольку некоторые виды поведения, причиняющие вред основным правам и свободам граждан, справедливо рассматривать в качестве формы нарушения прав человека, отсутствие уголовно-правового запрета на такое поведение или его неэффективность должны оцениваться как непризнание и нарушение прав человека со стороны государства.

12. С точки зрения конституционных стандартов прав человека уголовное наказание представляет собой относящееся к исключительному ведению и усмотрению федерального законодателя временное, не подлежащее расширительному толкованию и произвольному применению, «позитивное», подлежащее двойному санкционированию на конституционном и законодательном уровне, соразмерное, пропорциональное, минимально необходимое, адекватное, обладающее свойством правовой определенности и преследующее цели достижения баланса конституционно защищаемых ценностей и интересов,

ограничение прав и свобод человека, имеющее такое же естественное происхождение, как сами права и свободы.

13. Конституционно значимые признаки уголовного наказания, качественно отличающие его от иных правоограничительных мер, направленных на предупреждение преступлений и обеспечивающие его самостоятельную природу, состоят в том, что только наказание, сущностно определяемое виной лица, совершившего преступления, выражает собой его осуждение, морально-политическое порицание и содержит в себе нравственный упрек. Это обстоятельство актуализирует необходимость разграничения: а) правоограничительного содержания наказания – «ограничения или лишения прав и свобод», которое легитимировано конституционно предустановленной целью предупреждения преступлений, и б) исправительного содержания наказания, обеспечиваемого воспитательно-реабилитационными и социально-реинтеграционными пенитенциарными практиками, цель которых – исправление осужденного – выходит за пределы конституционно допустимых целей ограничения прав человека.

14. Система правоограничений, реализуемых в отношении лица, совершившего преступление, включает в себя: правоограничения, составляющие суть и содержание наказания или иной меры уголовно-правового характера; правоограничения, свойственные режиму исполнения или отбывания наказания или мер уголовно-правового характера; иные правовые последствия, реализуемые за рамками уголовно-правовых отношений. Ограничения прав и свобод, составляющие сущность уголовного наказания, могут определяться исключительно в уголовном законе и при этом не должны касаться «сути личности», приводить к ситуации, в которой сами эти права и свободы утрачивают смысл, не должны быть жестокими или унижать человеческое достоинство. Исходя из этого, не должны подлежать ограничению в качестве уголовного наказания право человека на жизнь, равенство, неприкосновенность частной жизни, неприкосновенность жилища, право пользования родным языком, свобода убеждений, совести и вероисповедания, свобода мысли и слова, право на образование, государственную защиту и некоторые иные. Рациональным и достаточным для конструирования наказания следует признать лишение или ограничение трех конституционных благ: физической свободы, собственности и прав за занятие отдельными видами деятельности.

15. Конституционное требование соразмерности уголовного наказания ограничивает свободу усмотрения законодателя в его конструировании и применении. Таковыми ограничениями выступают: запрет жестоких, бесчеловечных и унижающих достоинство видов наказаний (в том числе телесных наказаний, пожизненного лишения свободы без права на досрочное освобождение и смертной казни); ограничение карательного воздействия на лицо, совершившее преступление, исключительно рамками уголовной ответственности и недопустимость кары за пределами уголовно-правовых отношений; обязательная

дифференциация уголовного наказания и правил его назначения; пропорциональность установленного и назначенного наказания основаниям применения мер уголовной ответственности и его способность обеспечить достижение целей уголовно-правового воздействия.

Теоретическая значимость работы заключается в разработке и обосновании концепции, способной служить методологической основой для дальнейшей конкретизации конституционных принципов в уголовном праве. Исследование подтвердило познавательную ценность методологического подхода, базирующегося на принципах конституционного правопонимания. Предложенное понимание механизма конституционализации уголовного права уточняет сложившиеся представления о его межотраслевых связях, развивает теоретическое знание о порядке принятия и применения уголовного закона. Выводы относительно содержания и результатов процесса конституционализации уголовного права позволяют совершенствовать теоретические правила конструирования диспозиций и санкций уголовно-правовых норм. Установленные исследованием конституционные начала понимания преступления и наказания способствуют приращению научного знания о криминализации и пенализации общественно опасных деяний. Положения диссертации, связанные с разработкой конституционного статуса субъектов уголовно-правовых отношений, вносят свой вклад в актуальную дискуссию о соотношении свободы и безопасности. В целом работа углубляет и развивает такие разделы отраслевой правовой доктрины, как источники уголовного права, учение о преступлении, о мерах уголовно-правового характера, о задачах и функциях уголовного права; тем самым проведенное исследование способствует развитию уголовно-правовой науки в целом.

Практическая значимость работы состоит в том, что сформулированные в ней выводы, предложения и рекомендации создают теоретическую основу укрепления гарантий прав и свобод человека в процессе конструирования и применения уголовно-правовых норм. Разработанная концепция, обоснованные методологические подходы и конструкционные решения позволяют использовать сформулированные выводы для целей конституционной модернизации уголовно-правовой системы России. В данном качестве положения диссертации могут служить исходной теоретической предпосылкой в законотворческой деятельности по совершенствованию УК РФ, в методологическом обеспечении законопроектной деятельности при обосновании решений о криминализации тех или иных общественно опасных деяний, а также в работе по оптимизации системы уголовно-правовых и иных правовых последствий преступлений. Выводы и предложения, обоснованные в диссертации, могут выступать основой для толкования уголовно-правовых норм Верховным судом РФ, а также базой для разрешения ряда актуальных и сложных проблем практики применения уголовного закона в части характеристики объективных и субъективных признаков отдельных преступлений, оценки их общественной опасности, мотивировании судебных решений о выборе оптимальной меры уголовно-правового воздействия на лицо, совершившее

преступное деяние. Положения работы могут быть использованы также в учебном процессе при преподавании курса уголовного права студентам юридических вузов, в работе по повышению квалификации сотрудников судебной и правоохранительной системы, а также в научно-исследовательской деятельности при дальнейшей разработке проблем конституционализации уголовного права и его отдельных правовых институтов и норм.

Апробация результатов и основных выводов исследования. Основные положения диссертации нашли отражение в 48 научных публикациях, в том числе в 4 монографиях, в 18 статьях в изданиях, входящих в перечень ВАК при Минобрнауки России и в Перечень, утвержденный для публикации основных результатов диссертационных исследований, представляемых в защите в диссертационных советах РУДН, 4 статьи опубликованы в изданиях, индексируемых в международных научных базах. Сформулированные концептуальные положения стали предметом обсуждения на шести международных и иных научно-практических конференциях. Материалы исследования используются в научно-исследовательской работе юридического факультета ФГАОУ «Российский университет дружбы народов», ФГКОУ ВО «Университет прокуратуры Российской Федерации», а также внедрены в практическую деятельность Главного уголовно-судебного управления Генеральной прокуратуры Российской Федерации.

Структура работы определяется ее целью, поставленными задачами и логикой исследования. Диссертация состоит из введения, 5 глав, объединяющих 15 параграфов, заключения, списка литературы, приложения.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность темы исследования, степень ее научной разработанности, определяются объект и предмет анализа, его цели и задачи, дается обзор нормативных, теоретических и эмпирических источников, определяются методологические подходы к их анализу, формулируются положения, выносимые на защиту, доказываемая их теоретическая и прикладная ценность, приводятся сведения об апробации результатов диссертации.

Глава 1 «Механизм конституализации российского уголовного права» посвящена исследованию теоретических основ конкретизации в уголовном праве норм и ценностей Конституции России.

В **§ 1 «Онтология понятий и элементов процесса конституционализации уголовного права»** обосновывается понимание конституционализации уголовного права как перманентного процесса воплощения норм и принципов конституции в уголовно-правовом регулировании, имеющего своей целью достижение оптимального баланса ценностей свободы и безопасности в практике уголовно-правового противодействия преступности.

Отмечено, что конституционализация развивается в двух несовпадающих направлениях: а) эволюционная конституционализация, предопределенная содержательной динамикой самих конституционных положений и неисключенной трансформацией текста Конституции; б) актуальная конституционализация, связанная с оценкой соответствия уголовного права текущим конституционным стандартам. Именно второе направление определено в качестве предмета исследования, для последующего раскрытия которого использованы методологические возможности структурно-функционального анализа.

Установлено, что объект конституционализации уголовного права требует ограничительного понимания. Традиционно объект конституционализации права описывается как полисоставной феномен, включающий правовое сознание, правовую культуру, систему права, юридические практики (В.И. Крусс). Однако:

- правовая культура и правовое сознание, как не имеющие отраслевой специфики феномены, не могут быть предметом специальной деятельности по конституционализации уголовного права, в связи с чем должны быть исключены из содержания объекта отраслевой конституционализации;

- юридическая практика (правотворчество и правоприменение) как элемент объекта конституционализации в отраслевых исследованиях должна быть ограничена; из ее объема следует исключить институциональные и процедурные характеристики практики, оставив лишь ее результаты в виде содержания, толкования и смысла созданных парламентом и примененных судом в том или ином конкретном деле уголовно-правовых норм.

Следовательно, с точки зрения организации отраслевого исследования, объектом конституционализации могут выступать лишь сами уголовно-правовые нормы, выраженные в источниках права и примененные (или подлежащие применению) судом. Специфика такого понимания объекта в том, что правовые нормы рассматриваются не как абстрактные предписания, а в контексте конкретной правоприменительной ситуации, в связи с чем конституционализация как реальный процесс становится близкой по своему характеру правовому регулированию.

В работе аргументирована критическая оценка научной позиции, признающей субъектом конституционализации права исключительно органы конституционной юстиции. В ряду субъектов конституционализации уголовного права называются:

- парламент, который по определению должен реализовывать в принимаемых им нормативных правовых актах конституционные идеи и который действует презюмируемо в правовом поле до тех пор, пока не доказано обратное;

- президент, обладающий самостоятельными полномочиями по обеспечению конституционности законодательства, включая право на инициирование проверки конституционности принятого закона до момента его подписания;

– суды, которые могут опровергнуть презумпцию конституционности принятого парламентом закона и решение которых в силу презумпции добросовестности и разумности действий конституционных органов также должно по определению соответствовать конституционным стандартам.

Специфическая роль Конституционного суда состоит в том, что только он уполномочен констатировать наличие конституционных деформаций и опровергнуть изложенные презумпции функционирования государственных органов. Правом же на сомнение в конституционности правовых норм обладают: с одной стороны, суды общей юрисдикции, ставя вопрос о конституционности уголовного закона, подлежащего применению, а с другой стороны, граждане, жалующься на неконституционный характер примененного к ним уголовного закона.

Многоуровневый перечень субъектов конституционализации уголовного права предопределяет наличие двух ее основных форм, обеспечивающих непрерывность процесса конституционализации. «Перспективную» конституционализацию осуществляют парламент и суды общей юрисдикции, используя конституционные принципы для регулирования уголовно-правовых отношений; «ретроспективную» конституционализацию уже продекларированной правовой материи осуществляет Конституционный суд РФ посредством конституционной юстиции. Однако результаты ретроспективной конституционализации задают направление будущим, потенциально возможным уголовно-правовым нормам, формируют конституционное мировоззрение и правопонимание, необходимые для создания, толкования и оценки действующих правовых предписаний.

В § 2 «Механизм конституционализации уголовного права как динамическая система» исследованы приемы и способы, при помощи которых субъекты конституционализации обеспечивают воплощение в уголовном праве норм и ценностей Конституции.

Решение основной задачи по обеспечению соответствия принимаемого уголовного закона Конституции РФ возложено на Государственную Думу посредством выполнения ею определенных операций в процессе подготовки и принятия закона. При этом вопрос о конституционности законопроекта предметно обсуждается по преимуществу лишь в процессе подготовки законопроекта в профильном комитете Думы. Однако, как показало исследование, только в 14% заключений ответственного комитета была сделана ссылка на положения Конституции РФ или решения Конституционного суда РФ, причем во всех таких заключениях комитетом было рекомендовано законопроект отклонить. В ситуациях, когда законопроект профильным комитетом поддерживался, ссылка на конституционные положения и принципы в заключениях отсутствовала, а соответствие законопроекта Конституции презюмировалось.

Дополнительной, «проверочной» инстанцией в деле конституционализации уголовного закона выступает Совет Федерации. Однако законы по вопросам уголовно-правового регулирования не подлежат обязательному рассмотрению в

верхней палате парламента, а потому их одобрение осуществляется на основании заключения профильного комитета. Изучение таких заключений показывает, что они крайне редко содержат углубленный анализ вопроса о соответствии текста принятого уголовного закона положениям Конституции.

Общая оценка деятельности парламента по обеспечению соответствия принимаемых им уголовных законов конституционным ценностям позволяет заключить, что при всей важности этого компонента законотворческого процесса, ему уделяется в организационном и содержательном отношении явно недостаточно внимания. Единственное средство, прямо закрепленное в регламентах палат Федерального Собрания, которое призвано ответить на вопрос о конституционности уголовного закона – правовая экспертиза. Однако ее проведение (не всегда обязательное) не обеспечено нормативно (в практике Правового управления Аппарата Государственной Думы используется лишь внутренний документ, разработанный сотрудниками самого Аппарата) и не является удовлетворительным (по причине отсутствия универсальной методики правовой экспертизы с акцентом на выявление конституционности нормативного правового акта). Такой уровень регулирования экспертной работы не отвечает стоящим перед ней задачам, что актуализирует потребность в принятии отдельного закона, регламентирующего порядок правовой экспертизы, требования к экспертам и содержанию их заключений.

После принятия уголовно-правового закона ответственность за реализацию в нем конституционных начал несет суд. В силу инстанционного строения судебной системы вопросы конституционализации решаются в судах на всех стадиях прохождения уголовного дела, а в силу принципа единства судебной системы воплощение конституционного смысла уголовно-правовых норм обеспечивается на каждой стадии процесса едиными способами.

Существует два основных способа обеспечения конституционализации уголовного права судами – прямое действие Конституции РФ и осуществление запроса в Конституционный суд РФ о проверке конституционности положений УК РФ. Сфера прямого применения судами общей юрисдикции Конституции РФ при рассмотрении уголовных дел сегодня существенно ограничена. Такое возможно лишь в случаях, когда речь идет о нормах Конституции РФ, не требующих для своего применения конкретизации в уголовном законодательстве. Возможность прямого применения судами Конституции РФ, в случае если, по мнению суда, подлежащий применению уголовный закон противоречит конституционным установлениям, исключена. Такое сомнение в конституционности должно быть разрешено Конституционным судом РФ. Устанавливая обязанность судов осуществлять запрос о проверке конституционности уголовного закона, «подлежащего применению» (а не «примененного»), законодатель подтвердил недопустимость применения судами сомнительно конституционных законов, а в качестве дополнительной гарантии установил право граждан оспаривать конституционность уголовного закона, непосредственно примененного судом, в

случае если система судов общей юрисдикции не выполнила своего предназначения по защите конституционных ценностей. При этом, если граждане могут обжаловать конституционность примененного к ним уголовного закона лишь в случае, когда его положениями нарушены их конституционные права, суды общей юрисдикции могут формулировать запрос на проверку соответствия уголовного закона любым нормам Конституции.

Субъектом, наделенным правом конституционной дисквалификации уголовного закона, выступает только Конституционный суд РФ. Конституционализация им уголовного права осуществляется либо непосредственно в постановлении при разрешении вопроса о конституционности уголовно-правовой нормы по существу, либо опосредованно путем толкования уголовно-правовой нормы в определении с аргументацией на основе ранее сформулированных правовых позиций. Отсюда два основных типа решений: а) о полном соответствии или, напротив, несоответствии закона Конституции, в последней ситуации происходит конституционная дисквалификация норм УК РФ, которая не может быть преодолена повторным принятием этого же нормативного предписания; б) о признании уголовно-правовой нормы (либо в целом, либо в некоторой части, либо в определенном истолковании, которое ей придается правоприменительной практикой) конституционной с выявлением при этом особого смысла оцениваемого. Такие решения не исключают дефектной нормы из УК РФ, их исполнение не предполагает необходимости внесения в нее изменений. Однако такие решения наполняют уголовный закон смыслом и «духом», последствие таких решений – это изменение практики толкования и применения уголовно-правовой нормы в судах.

В § 3 «Реализация конституционных положений в уголовном праве: генетико-функциональные связи» механизм отраслевой конституционализации исследуется с точки зрения содержания протекающих в нем правовых процессов.

Прежде всего, проведено принципиальное разграничение процессов реализации конституционных норм и конституционализации уголовного права. Конституционные нормы в силу всеобщности адресованы государству и личности в качестве субъектов и конституционно-правовых, и уголовно-правовых отношений. Следовательно, субъекты уголовного права при создании, соблюдении и применении уголовно-правовых норм обязаны одновременно реализовывать и нормы Конституции РФ. При этом формы реализации конституционных норм субъектами уголовного права не имеют принципиальных отличий от форм реализации иных правовых норм.

Конституционализация уголовного права, будучи самостоятельным правовым процессом, содержательно связана только с одной формой реализации конституционных норм только одним субъектом уголовно-правовых отношений, а именно с применением норм конституции государством. Граждане, будучи субъектами и уголовно-правовых, и конституционно-правовых отношений, объективно имеют ограниченный спектр возможностей участвовать в

конституционализации уголовного права. На уровне законотворчества они косвенно участвуют в этом процессе через процедуры формирования парламента, институт референдума и законодательных инициатив, на уровне правоприменения – через конституционное обжалование примененных к ним уголовных законов. Отсутствие прямого участия граждан в процессе конституционализации уголовного права объяснимо спецификой самого этого процесса, который с функциональной точки зрения представляет собой деятельность уполномоченных субъектов (парламента и судов) по применению норм Конституции РФ для регулирования уголовно-правовых отношений на нормативном и индивидуальном уровне.

При этом если на уровне регулирования индивидуальных уголовно-правовых отношений применение Конституции РФ не отличается от применения иных нормативных правовых актов, то на уровне нормативного регулирования формой применения Конституции РФ следует признать законотворчество как властную деятельность парламента по реализации конституционных стандартов в уголовном законодательстве.

Анализируя уголовное законотворчество как форму применения Конституции, необходимо:

- различать действия законодателя по реализации конституционных указаний о создании уголовного закона (внешний аспект проблемы) и действия по воплощению в законе конституционных норм (внутренний аспект); в силу чего сам по себе факт принятия уголовного закона еще не гарантирует конституционности этого закона.

- различать результат и процесс законодательной конституционализации уголовного закона. Результатом конституционализации выступает состояние уголовного закона, при котором он соответствует Конституции РФ; достигается же этот результат в процессе конкретизации законодателем конституционных положений в уголовном кодексе.

Конкретизация и развитие конституционных положений выступают единственным юридико-техническим средством конституционализации уголовного права.

Дать универсальный список норм Конституции, нуждающихся в уголовно-правовой конкретизации, и описать пределы их конкретизации не представляется возможным. Конкретизация предполагает постоянное «насыщение» конституционных норм специальным отраслевым содержанием. Кроме того, нельзя «раз и навсегда» проверить конституционность уголовно-правовой нормы и сделать вывод о достаточности отраслевой конкретизации того или иного конституционного положения. Одна и та же уголовно-правовая норма может оказаться в достаточной степени конкретизированной и конституционно насыщенной в одной ситуации и недостаточно конкретной для ее применения в иной ситуации. Поэтому, собственно, конституционализация и конкретизация

могут рассматриваться как перманентный процесс оптимизации нормативного материала уголовного права.

Субъектом уголовно-правовой конкретизации конституционных норм выступает только парламент, поскольку пределы конкретизации заданы исключительно нормативным уровнем правового регулирования. Это не снимает ответственности с правоприменителя за соблюдение конституционных положений, однако ограничивает его роль в этом вопросе решением круга вопросов, связанных с толкованием применяемых норм.

В функциональном отношении это позволяет четко разграничить такие смежные категории теории права, как конкретизация и толкование. В процессе конституционализации уголовного права законодатель дает уголовно-правовую конкретизацию конституционных норм, а правоприменитель – конституционное истолкование презюмируемо конституционных уголовно-правовых предписаний. Это два взаимосвязанных и циклических процесса, которые очевидно выступают последовательными этапами конституционализации уголовного права.

Глава 2 «Конституционная концепция уголовно-правовых отношений» посвящена исследованию природы уголовно-правовых отношений и статуса их субъектов.

В § 1 «Взаимосвязь конституционно-правовых и уголовно-правовых отношений» поддержка идеи признания предметом отрасли уголовного права лишь «охранительных» отношений, возникающих в связи с фактом совершения преступления, обусловила необходимость анализа вопроса о правовой природе отношений, в рамках которых государство имеет право издавать уголовный закон, а человек – обязанность его соблюдать.

Актуальная теоретическая задача состоит в том, чтобы, с одной стороны, признать реальность этих общих прав и обязанностей человека и государства, а с другой стороны, органично вписать эти права и обязанности в предмет уголовного права, сочетать их с уголовно-правовыми отношениями.

В работе аргументирован критический подход к оценке отраслевой теории «общепредупредительных отношений» как части предмета уголовного права и конституционной теории «основополагающих отношений в сфере уголовного права» как части предмета конституционного права.

В соответствии с предписаниями о прямом действии Конституции РФ и ее учредительном характере, общие права и обязанности человека и государства должны быть признаны непосредственно действующими, реализуемыми в рамках всех без исключения правоотношений, независимо от их отраслевой принадлежности. Эти права и обязанности образуют компоненты правового статуса субъектов, которые не зависят от того, участниками каких именно правоотношений они выступают. Такие права и обязанности выступают предпосылкой и условием возникновения отраслевых правоотношений, определяют меру свободы и ответственности субъектов в осуществлении всех иных принадлежащих им прав.

Конституционный статус пронизывает и предопределяет конкретное содержание прав и обязанностей участников уголовного правоотношения, раскрывается и детализируется в них. Конкретизированный для целей уголовно-правового регулирования конституционный статус государства и личности составляет «частное проявление» конституционного статуса этих субъектов, служит ядром и основой для формирования их статуса, определенного рамками уголовно-правовых отношений.

То, что в отраслевой науке определяется как общерегулятивные уголовно-правовые отношения, целесообразно рассматривать не как самостоятельные виды правоотношений, образующие предмет уголовного права, а как элементы предустановленного на конституционном уровне статуса участников «классического», охранительного уголовно-правового отношения, их права и обязанности, обусловленные социальной природой этих субъектов и, по большому счету, неотчуждаемые от них.

Равным образом нецелесообразно выделять «основополагающие» в сфере уголовного права отношения в самостоятельную группу конституционно-правовых наряду с отношениями, определяющими конституционно-правовой статус государства и личности. Они создают иллюзию того, что помимо статусных (конституционных) и собственно уголовно-правовых отношений в системе правоотношений существует некоторое «промежуточное» звено – отношения, более конкретизированные по сравнению с отношениями, устанавливающими конституционный статус личности, но в тоже время более общие, чем отраслевые уголовно-правовые отношения. Такое «умножение» не приносит ясности и стройности в учение о межотраслевых связях уголовного права и порождает малополезные в практическом отношении дискуссии. То, что в конституционном праве именуется «основополагающими» отношениями в сфере уголовного права, в реальности есть элемент, часть традиционных конституционно-правовых отношений, определяющих конституционный статус личности и государства в любых областях их правового взаимодействия. «Основополагающими» следует признавать не отношения, которые регулируют конституционно-правовые нормы в сфере уголовного права, а сами конституционные нормы. Отношения же эти – суть отношения уголовно-правовые, хотя уровень их регулирования конституционными нормами качественно отличается от регулирования нормами уголовного закона.

В § 2 «Статус государства в уголовно-правовых отношениях» дается критическая оценка двух известных теорий. Во-первых, признающих уполномоченным субъектом охранительного уголовно-правового отношения общество или народ, поскольку народ, выступая субъектом исключительно конституционно-правовых отношений, своей суверенной учредительной властью не просто передал государству право, но и возложил именно на государство обязанность разрешения уголовно-правового конфликта. Во-вторых, признающих субъектом уголовно-правового отношения государственные органы, поскольку это создает иллюзию одновременного участия как минимум трех субъектов уголовного

правоотношения со стороны государства (парламент, суд и органы исполнения наказания). Отмечается, что признание органов государства субъектами уголовного правоотношения порождает ряд серьезных теоретических проблем (изменение круга субъектов по мере развития уголовного правоотношения, множественность субъектов, определенный момент динамики правоотношения, корреспондирование обязанностей и прав человека по отношению к каждому из таких субъектов, самостоятельная ответственность именно органов государства за действия и решения, связанные с нарушением прав обвиняемого или подсудимого). Нецелесообразность и несостоятельность их постановки позволяет признать справедливым тезис о том, что именно государство «как целое», а не отдельные его органы и должностные лица выступает субъектом уголовно-правового отношения. Тот факт, что те или иные решения принимают отдельные государственные органы, свидетельствует лишь о том, что в современном государстве, основанном на принципе разделения властей, конкретные правомочия государства, раскрывающие в своей совокупности весь объем «права наказания», распределены между этими органами.

Исследованием установлено, что конкретные права, обязанности и ответственность государства в качестве субъекта уголовно-правовых отношений, текстуально определяются в Конституции РФ неполно, абстрактно и неявно. В учредительном документе страны присутствует сильное влияние правовой концепции, согласно которой государство и личность в большей степени связывают властные отношения, нежели правовые, а само государство в большей степени позиционировано как источник права, нежели его гарант. Это обстоятельство становится более заметным при обращении к конституционным актам зарубежных стран, в которых уголовно-правовой статус государства фиксируется более явно и предметно. Проведенный в работе сравнительно-правовой анализ выявляет нормативную недостаточность в описании статуса российского государства в сфере уголовного права, что приводит к необходимости активизации толковательной и конкретизирующей детальности Конституционного суда РФ. В целом можно утверждать, что обязательства государства в сфере уголовно-правовых отношений в большей степени являются результатом толкования текста Конституции, нежели установлены в нем непосредственно.

Обобщение правовых позиций Конституционного суда РФ позволило представить следующую систему правомочий государства в сфере уголовного права.

1. Правомочия по поддержанию порядка и установлению уголовно-правовых запретов (обязанность принимать такие необходимые и достаточные меры защиты общественной безопасности, нравственности, здоровья, прав и законных интересов граждан, которые минимизировали бы последствия общественно опасных посягательств, приводили бы к сокращению числа их жертв, предупреждению преступных посягательств на права и интересы личности; право устанавливать и изменять уголовно-правовые запреты в случаях, когда предусматриваемые

уголовным законом меры перестают соответствовать социальным реалиям, приводя к ослаблению защиты конституционно значимых ценностей или, напротив, к избыточному применению государственного принуждения и др.).

2. Права и обязанности государственных органов по реализации статуса государства в уголовно-правовых отношениях (обязанность органов расследования осуществлять уголовное преследование, обязанность прокурора опротестовать в кассационном порядке каждый незаконный или необоснованный приговор, обязанность обеспечить каждому возможность ознакомления с документами и материалами, непосредственно затрагивающими его права и свободы и др.).

3. Обязанности государства по отношению к лицу, совершившему преступление, и потерпевшему (обеспечить каждому рассмотрение его дела как минимум двумя судебными инстанциями, гарантировать потерпевшему доступ к правосудию; содействовать реабилитированному лицу в защите его прав и законных интересов и др.).

В работе подчеркивается, что этот перечень прав и обязанностей государства нельзя признать исчерпывающими. Правовой статус государства в уголовно-правовых отношениях есть категория развивающаяся, а ее общие контуры уточняются и конкретизируются по мере развития права и утверждения правовой доминанты в функционировании государства.

В § 3 «Статус лица, совершившего преступление, в уголовно-правовых отношениях» утверждается, что конституционной концепции уголовно-правового регулирования, каковой она представляется, исходя из анализа решений Конституционного суда РФ, потерпевший не признается субъектом уголовно-правовых отношений и не обладает уголовно-правовыми по своему содержанию правами и обязанностями по отношению к государству и лицу, совершившему преступление. Единственным субъектом, который в уголовно-правовых отношениях противостоит государству, выступает лицо, совершившее предусмотренное УК РФ деяние.

Конкретизация представлений о таком лице потребовала обсуждения вопроса о статусе субъекта уголовной ответственности и субъекта уголовно-правового отношения. Установлено допустимое несовпадение этих статусов и отсутствие теоретических препятствий к тому, чтобы невменяемых лиц, лиц, не достигших возраста уголовной ответственности, а в перспективе – и юридических лиц признавать субъектами уголовно-правовых отношений. Это не исключает, но, напротив, предполагает возможность дифференциации субъектов уголовно-правового отношения на виды, в зависимости от их способности нести уголовную ответственность. Однако это не отменяет того обстоятельства, что правовые отношения, возникающие в связи с совершением предусмотренного УК РФ деяния всеми этими лицами, являются уголовно-правовыми. Неизбежные в данном случае различия выражаются лишь в применении объективно различных мер уголовно-правового воздействия. В то время как методы (императивный и диспозитивный), принципы, цели регулирования этих отношений остаются неизменными, что прямо

вытекает из решений Конституционного суда РФ, требующего соблюдения в данном случае единых стандартов разрешения уголовно-правовых конфликтов. Сущностно здесь имеет место один вид правоотношений (охранительных уголовно-правовых), в которых на стороне, противоположной государству, выступают различные субъекты.

В позиционировании статуса лица, совершившего общественно опасное деяние, принципиальное значение имеют правовые позиции Конституционного суда РФ, обобщение которых позволило выявить комплекс его прав и обязанностей: право требовать от государства обращение к себе не как к объекту государственной деятельности, а как к равноправному субъекту, который может защищать свои права всеми не запрещенными законом способами и спорить с государством в лице любых его органов; право требовать от государства соблюдения установленных пределов уголовно-правового воздействия; право довести до сведения суда свою позицию относительно всех аспектов уголовного дела; право обжалования в судебном порядке решений и действий (или бездействия) органов государственной власти и их должностных лиц; право на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц; право на защиту от необоснованного уголовного преследования, возмещение причиненного им вреда, эффективное и полное восстановление в правах; право просить о смягчении наказания и др.).

Решения Конституционного суда РФ презентуют далеко не все права, обязанности и интересы, которые образуют правовой статус лица, совершившего общественно опасное деяние, в рамках уголовного правоотношения. К разряду конституционно установленных следует отнести и непосредственно зафиксированные в учредительном документе страны права лиц, совершивших преступления. При этом в работе признается, что уголовно-правовой статус лица, совершившего преступление, урегулирован в Конституции РФ достаточно полно. Обращает на себя внимание два обстоятельства: во-первых, в отличие от статуса государства, статус лица, совершившего преступление, именно в тексте самой Конституции РФ представлен более непосредственно, он не столько выводится из Конституции, сколько закрепляется в ней; и во-вторых, в отличие от статуса государства, здесь в большей степени фиксируются права лица, совершившего преступление, нежели его обязательства, что связано с конституционным пониманием личности в качестве «слабой стороны» уголовно-правового отношения, которую нельзя подвергать излишним обременениям.

Глава 3 «Конституционные требования к противоправности преступного деяния» посвящена исследованию содержания и структуры уголовной противоправности как признака преступления.

В § 1 «Неправомерность деяния как конституционный критерий криминализации и признак преступления» отмечается, что конституционное понимание противоправности преступления распадается на два относительно

самостоятельных направления: а) предусмотренность преступления в уголовном законе; б) неправомерность выражающих объективную сторону преступления действия или бездействия. Смещение этих аспектов противоправности методологически недопустимо.

Противоправность как предусмотренность деяния в законе восходит к требованиям принципа законности и включает в себя три компонента: преступление должно быть описано в федеральном кодифицированном законе; оно должно быть описано так, чтобы и гражданин, и правоприменитель имели четкое представление о признаках, позволяющих отграничить преступление от иных правонарушений и правомерных деяний; описание преступления должно сопровождаться угрозой применения уголовного наказания (в связи с этим отмечена, с одной стороны, принципиальная недопустимость потенциально возможного несовпадения двух феноменов: «уголовное наказание» и «наказание, предусмотренное в уголовном законе», а с другой стороны, недопустимость признания преступлениями деяний, которые хотя и влекут наказание, по своей природе идентичное уголовному, но не предусмотрены в уголовном законе).

Учение о противоправности преступления как его предусмотренности в уголовном законе ориентировано на разработку надлежащей нормативной инфраструктуры противодействия преступлениям и обеспечение гарантий прав личности в ее взаимоотношениях с государством в сфере регулирования уголовно-правовых отношений. Предусмотренность преступления в законе гарантирует соответствующий праву порядок установления ответственности за него, но не характеризует само преступление как правонарушение, как деяние, противное установленному правопорядку.

Компенсирует это обстоятельство учение о противоправности как неправомерности деяния, акцентирующее внимание на том, что оно нарушает правопорядок. Это учение не является однородным и распадается на два направления. Первое предполагает обращение к комплексу вопросов, составляющих дискуссию об объекте преступления и признании таковым норм права или правоотношений (оно в работе не исследуется). Второе направление предполагает анализ не столько внешней ориентации преступного деяния, сколько его внутренних свойств, юридической характеристики.

В рамках этого направления неправомерность деяния выступает базовым условием его криминализации, подтверждающим конституционную недопустимость признания преступлением правомерного деяния. Если правомерное осуществление одним лицом своих прав и свобод влечет неблагоприятные последствия для прав и свобод иных лиц, закон может допускать применение определенных санкций, направленных на восстановление общего баланса прав и свобод, однако эти санкции в любом случае не могут расцениваться как ответственность за неправомерное поведение.

Обобщение практики Конституционного суда РФ позволяет выделить здесь несколько значимых правил: а) в ситуации неопределенности и противоречивости

правового регулирования, когда одно и то же действие может расцениваться либо как правомерное, либо как противоправное, для целей привлечения к уголовной ответственности действие должно оцениваться как правомерное; б) в ситуации, когда преступлением признается превышение допустимых пределов осуществления правомерной деятельности, объем правомерной деятельности не может составлять часть объема противоправного деяния; в) недопустимо причинение уголовно-релевантного вреда под прикрытием правомерных действий по реализации предоставленных гражданину прав и свобод; г) недопустимо использовать ссылку на реализацию права в качестве средства защиты от обвинений в намеренном причинении вреда.

Отклонение от нормального порядка осуществления прав и свобод может иметь две формы, привносящие свою специфику в криминализационные процессы.

1. Злоупотребление правом. Для уголовно-правовой доктрины не имеет принципиального значения решение вопроса о том, является ли злоупотребление правом собственно правонарушением. Важнее другое – злоупотребление правом не является правомерным поведением, поскольку запрещено нормами гражданского законодательства. Следовательно, ссылаться в свою защиту на правомерный характер действий по реализации права, итогом которых стало причинение уголовно-релевантного вреда, субъект не может. Концепция злоупотребления правом неоднократно была применена Конституционным судом РФ для решения вопроса о конституционности норм УК РФ, причем как в ситуациях использования предоставленного права с намерением причинить вред третьим лицам (злоупотребление правом), так и в ситуациях, связанных с выходом за пределы реализации права (превышении права). Общий посыл состоит в том, что цель воспрепятствовать злоупотреблению правом в тех случаях, когда конституционные нормы позволяют законодателю установить ограничения закрепляемых ими прав, может оправдывать предусматриваемые в законодательстве меры принудительного характера, разумеется, при условии, что они не чрезмерные, а только необходимые, и обусловленные конституционно признаваемыми целями.

2. Нарушение правового запрета и установленного порядка реализации права. Описание таких действий в структуре состава преступления посредством бланкетных признаков является наиболее распространенным приемом, зримо демонстрирующим исходную отраслевую противоправность действий или бездействий, составляющих объективную сторону преступления. Исходя из юридической природы таких уголовно-правовых запретов, проверка их конституционности Конституционным судом РФ всегда отчетливо распадается на два этапа. Вначале проверяется сам факт наличия «бланкетной основы» и ее конституционность с точки зрения полноты, определенности заложенных в ней правил осуществления той или иной деятельности, с тем чтобы эти правила давали четкое представление о границах правомерного и неправомерного поведения. И только на втором этапе разрешается вопрос о конституционности самой уголовно-правовой нормы с точки зрения ее правовой определенности. В прикладной

плоскости применения уголовно-правовых норм такой подход предполагает и особые правила квалификации преступлений.

В § 2 «Уголовная ответственность за злоупотребление правами и свободами» выявлена специфика злоупотребления правом, которая состоит в том, что право в данном случае выступает значимой, но лишь внешней формой деятельности, которая содержательно подчинена цели причинения вреда. В силу этого при оценке злоупотребления правом форма поведения субъекта не может и не должна превалировать над его содержанием. Если суть поведения субъекта состоит в причинении вреда правам и интересам иных лиц, форма его выражения не имеет значения для правовой оценки. Вместе с тем акцент исключительно на самом факте причиненного вреда при конструировании уголовно-правовых норм также недостаточен для обоснования ответственности за злоупотребление правом. В этих целях государство призвано: а) определить содержание, порядок реализации и пределы субъективных прав граждан, с тем чтобы дать ясный сигнал гражданам о модели правомерного поведения; б) определить причинение какого вреда и каким объектам в результате злоупотребления правом требует публично-правовой ответственности. Последнее особенно важно. Объект вреда при злоупотреблении правом определен в Конституции РФ ограничительно – «права и свободы других лиц». Однако здесь недопустимо ни узкое толкование, ограничивающее «права и свободы» лишь теми, что составляют традиционный объект преступлений против личности, ни отождествление интересов отдельных лиц и интересов государства. Никакое злоупотребление правом не может влечь уголовной ответственности в случае, если оно не сопряжено с причинением или реальной угрозой причинения существенного вреда правам граждан. Вместе с тем причинение вреда этому объекту может быть не только основной целью виновного лица; оно может выступать и в качестве осознаваемых им побочных последствий своего поведения. Однако без этого компонента, когда вред причиняется только интересам государства, криминализация злоупотребления правом представляется недопустимой.

В работе исследованы два вида злоупотребления правом.

1. Злоупотребление правом со стороны официальных представителей государства. Здесь различаются две проблемные ситуации: а) оценка действий государственных служащих, которые последовательно воплощают такую политику государства, которая по природе своей не является правовой и направлена на лишение либо ограничение граждан их прав и свобод; б) оценка действий представителей государства по злоупотреблению своими служебными полномочиями в условиях, когда такие действия расходятся с содержанием правовой политики государства.

Общим местом этих различающихся ситуаций является неременная ответственность государства, которая имеет конституционно-правовую природу и выражается в политических, финансовых, гражданско-правовых и иных санкциях.

Вопрос же о персональной ответственности государственных служащих решается далеко неоднозначно.

В случае, когда преступное поведение государственных служащих является продолжением «преступной политики» государства, смена политического курса всегда ставит вопрос о возможности привлечения таких лиц к ответственности. Между тем такая ответственность (когда и если она санкционируется политической волей государства) не может всецело строиться на концепции злоупотребления правом. Здесь важно различать два момента: применение неправовых законов и неправовое применение законов. Если в первом случае в действиях субъектов правоприменения признаки злоупотребления правом установить не представляется возможным, то во втором случае это вполне допустимо, что имеет существенное значение для решения важного вопроса о квалификации действий виновных лиц. При этом в оценке такого поведения с точки зрения уголовного закона необходимо разграничивать преступное злоупотребление правом и допустимую правоприменительную ошибку.

2. Злоупотребление правом со стороны частных лиц. В оценке этого поведения следует различать: а) злоупотребление правом как способ преступления и б) злоупотребление правом как содержание поведения.

В качестве способа совершения преступления злоупотребление правом может выражаться либо в непосредственном взаимодействии субъекта с потерпевшим, либо в неправомерном использовании государственных органов для санкционирования собственных притязаний. Эти ситуации являются самостоятельными и обладают различным уровнем опасности, но оцениваются законом несистемно. В целях оптимизации средств уголовно-правового реагирования на такие злоупотребления правом предложено:

– общей норме о злоупотреблении правом в общении между частными субъектами (самоуправство) противопоставить такую же общую норму об ответственности за злоупотребление правом во взаимодействии с государственными структурами;

– содержание общих норм об ответственности за злоупотребление правом предметно ограничить лишь нарушением установленного порядка реализации имеющегося у лица субъективного права, не поглощая ими ситуаций, в которых злоупотребление правом выражается в выходе за пределы его допустимого объема;

– в тех случаях, когда опасность наступивших в результате злоупотребления правом последствий превышает опасность самого злоупотребления правом, оценивать такие действия по правилам совокупности преступлений.

В качестве содержания преступного деяния злоупотребление правом чаще всего выражается в выходе субъекта за пределы допустимого объема самого права, в связи с чем не ставится вопрос о соблюдении им установленного порядка его реализации. Такие действия получают самостоятельную уголовно-правовую оценку на уровне множества отдельных составов преступлений, местоположение которых в структуре уголовного закона определяется не самим нарушенным

правом, а теми последствиями, которые такое нарушение влечет за собой. Между тем, оценка таких преступлений именно как превышения пределов права с необходимостью требует установления предметной характеристики деяния с точки зрения содержания того права, которым злоупотребляет виновный субъект.

В § 3 «Уголовная ответственность за нарушение предписаний регулятивного законодательства» отмечается двоякая зависимость уголовного закона от положений регулятивного законодательства: с одной стороны, в регулятивных правовых актах может формулироваться отсылочное указание об установлении уголовной ответственности за их нарушение, с другой стороны, в уголовном законе может быть описан состав преступления, содержательно восходящий к нарушению регулятивных правил.

В первом случае отсылочные регулятивные предписания выступают по отношению к уголовному закону источником формирования. Вместе с тем регулятивные акты не предназначены для регулирования уголовно-правовых отношений, а потому решение вопроса о криминализации выступает независимой задачей в процессе осуществления уголовной политики государства. Следовательно: а) отсылочные регулятивные предписания не являются обязательным хронологическим предшественником уголовного закона; б) не могут содержать описания состава преступления; в) должны содержать указание на возможность наступления любого вида ответственности (не только уголовной); в) отсутствие уголовно-правовой нормы, развивающей эти предписания, не должно восприниматься как несогласованность и пробельность уголовного закона.

Во втором случае нормы уголовного закона об ответственности за нарушение регулятивных предписаний формулируют состав преступления посредством бланкетного приема его описания, отсылая к нарушению отраслевых или межотраслевых регулятивных норм либо институтов. Такое нарушение, в отличие от случаев злоупотребления правом, заранее и формально определено в регулятивных актах, в связи с чем правоприменителю в рамках уголовного процесса нет необходимости устанавливать объем реализуемого права и его пределы, достаточно зафиксировать совпадение признаков деяния с признаками четко очерченного неправомерного поведения. С этой точки зрения бланкетная диспозиция обладает гораздо большей степенью правовой определенности, нежели диспозиция, описывающая состав с использованием концепта «злоупотребление правом».

Конструирование и применение уголовно-правовых норм с бланкетными диспозициями, многократно легитимированное Конституционным судом РФ, вызывает ряд теоретико-прикладных проблем, последовательно рассмотренных в работе.

1. Уголовная ответственность за незаконные действия при отсутствии регулятивного закона. Рассогласование бланкетной диспозиции и бланкетного законодательства делает уголовно-правовую норму нежизнеспособной. Между тем надо четко различать случаи истинного отсутствия регулятивных норм от мнимой

неопределенности бланкетного уголовного закона. Таковая может иметь место в двух случаях: а) когда закон описывает деяние как «противоправное» при условии, что регулятивное законодательство не знает легальных форм такого поведения (такие нормы не могут рассматриваться в качестве бланкетных); б) когда в регулятивных актах отсутствуют дефиниции понятий, использованных в тексте УК РФ (такая нормативная недостаточность может быть преодолена посредством юридической или специальной технической консультации).

2. Уголовно-правовое значение видов и содержания бланкетной части уголовно-правовой нормы. Бланкетная диспозиция может содержать или подразумевать ссылки исключительно на нормативные правовые акты, а не технические нормы и правила, причем на такие положения этих актов, которые содержат обязательные, а не рекомендованные предписания. Сами нормативные правовые акты при этом могут занимать различное место в иерархической системе источников права – от международных договоров до подзаконных актов. В связи с этим отмечается два обстоятельства: а) конституционно допустимая бланкетная ссылка на подзаконные акты не исключает ситуации, при которых подзаконные акты будут противоречить законам и формулировать запреты и ограничения, не предусмотренные ими; в этой связи правоприменитель, квалифицируя деяние, всегда должен удостовериться, что подзаконное бланкетное содержание нормы является легитимным как с точки зрения содержания, так и с точки зрения формы; б) ссылки в бланкетной части уголовно-правовой нормы на региональные нормативные правовые акты могут считаться конституционно оправданными в той мере, в какой принцип равенства граждан перед законом гарантируется: в материальных составах – указанием на последствия, которые выступают главным криминообразующим признаком, вне зависимости от вида нарушенных правил, а в формальных составах преступлений – иерархическим и непротиворечивым характером регулятивного законодательства, принятого по вопросам совместного ведения федерации и ее субъектов.

Глава 4 «Конституционные основы оценки общественной опасности преступления» посвящена анализу категории «общественная опасность» в системе признаков преступления.

В § 1 «Конституционно-правовое понимание общественной опасности преступления» исходным конституционным требованием к пониманию преступления признано наличие у деяния особой, «повышенной», «криминальной» общественной опасности. Вместе с тем отмечено, что параметры «криминальной» опасности не являются изначально заданными и не имеют четких свидетельств или критериев. Более того, в современных условиях эти параметры не могут ограничиваться исключительно характеристикой причиненного преступлением вреда. В работе показано, что исходной точкой в оценке общественной опасности деяния на предмет необходимости его криминализации выступает не сам по себе вред и последствия, а тот потенциал опасности, который в самом деянии содержится. Для раскрытия этого потенциала в диссертации использованы

методологические возможности рискологического анализа, позволяющего оценить опасность как результирующую переменных: конституционных ценностей и угрозы, которая им создается неправомерным поведением лица.

Подключение теории конституционных ценностей для определения опасности уточняет представления об объекте уголовно-правовой охраны и преступления:

- объект охраны, взятый в контексте конституционных ценностей, всегда связан с правом, находится в сфере права, регулируется и охраняется им, выступает в качестве правового блага, а потому любое преступление есть одновременно посягательство на конституционную ценность самого права;

- конституционные ценности не всегда находят непосредственное текстуальное выражение в Конституции РФ; не только раскрытие конституционных положений, но в ряде случаев и само признание какого-либо блага в качестве конституционной ценности является итогом аксиологической практики Конституционного суда РФ, в связи с чем содержание ценностей всегда динамично, контекстуально и открыто;

- конституционные ценности и отражающие их объекты уголовно-правовой охраны обладают свойством иерархичности, могут быть классифицированы на основные и производные, что оправдывает различный режим охраны этих ценностей;

- в виду того, что конституционные ценности охватывают своим содержанием самые разные аспекты социально-правовой жизни, принципиальное значение имеет баланс конституционных ценностей, который в уголовном праве предполагает широкую систему согласований: правоограничений и охраняемых благ; охраняемого блага и опасности, достаточной для признания посягательства преступным; санкций за посягательства на различные правовые блага;

- в силу своей абстрактности конституционные ценности не могут выступать в качестве объекта уголовно-правовой охраны непосредственно, они должны получить инструментальную характеристику, пригодную для решения прикладных уголовно-правовых задач конструирования уголовно-правового запрета, но охрана конституционных ценностей вполне мыслима в качестве цели уголовного права.

В характеристике угрозы, которая создается конституционным ценностям в процессе неправомерного поведения лица, в процессе оценки общественной опасности следует учитывать, что:

- источником угрозы выступает только сознательно-волевое, неправомерное поведение субъекта; поведение, которое не находится под контролем сознания и воли лица, не отражает личное отношение деятеля к самому поступку и его последствиям, лишено одного из важнейших свойств, необходимого для криминализации, а именно направленности на причинение вреда охраняемым ценностям; именно направленность отражает потенциальную опасность деяния, его способность причинить вред;

– угроза для конституционно значимых ценностей, исходящая от деяния, претендующего на то, чтобы считаться общественно опасным, должна быть реальной, действительной, подтверждаться конкретными действиями субъекта,

– при оценке параметров угрозы всегда принимается в расчет содержание охраняемого законом блага, которое ставится под угрозу, интенсивность посягательства на него (включая особенности деяния, его способы, форму вины, мотив и пр.), а также содержание и объем вреда, который причиняется или может быть причинен в процессе посягательства.

С учетом изложенного криминальную общественную опасность, необходимую для установления уголовной ответственности, можно позиционировать в качестве производной от двух переменных: значимости охраняемой ценности и величины угрозы причинения ей вреда. Она определяется обратной пропорциональной зависимостью, достаточной для криминализации величины опасности от ценности объекта уголовно-правовой охраны: чем более значима конституционная ценность, тем меньшей будет выраженность угрозы, наличие которой дает основание для признания посягательства преступным. В графике обратной пропорциональности ($y = \frac{n}{x}$) следует акцентировать внимание еще на одном значимом параметре – показателе натурального числа «n», который в предложенных построениях отражает свойства и качества субъекта оценки общественной опасности (законодателя и правоприменителя). Поскольку криминальная общественная опасность есть категория оценочная, на выбор деяний в качестве преступных процессе криминализации и на оценку их общественной опасности в правоприменении непосредственно влияют свойства самого субъекта оценки, в том числе уровень его правовой и конституционной культуры.

В § 2 «Общественная опасность преступления в контексте проблем иерархии конституционных ценностей» признание объективной связи общественной опасности преступления с номенклатурой и содержанием конституционных ценностей обусловило необходимость разработки вопроса о том, каково место этих ценностей в учении об объекте преступного посягательства. Отмечено, что между традиционной теорией объекта преступления как общественных отношений и модернизированными теориями, признающими таковым объектом «человека, его права, интересы», «правовые блага и ценности», нет фундаментальных противоречий. Объективно складывающиеся и субъективно проявляющиеся интересы отдельных людей могут иметь общественное значение лишь в той мере, в какой эти интересы и их реализация затрагивают других лиц, то есть в системе общественных отношений. Соответственно, эти интересы и отношения подлежат правовой защите лишь в той мере, в какой не причиняют вреда и не создают препятствий в реализации интересов третьих лиц. Определение содержания и границ правоохраняемого интереса – суть процессов правотворчества и квинтэссенция самого права. Таким образом, выраженный в праве и защищенный в определенных правовых пределах интерес человека есть безусловное социальное благо, поскольку он выражает возможности каждого

отдельного лица к развитию и удовлетворению своих потребностей таким образом, что это не нарушает интересов третьих лиц, создавая определенную гармонию и баланс личных и общественных интересов. Защищенный правом интерес есть вместе с тем и правовое благо, между понятиями «правовой интерес» и «правовое благо» нет содержательных различий; каждый из этих феноменов в отдельности, и тем более их единение, представляет собой социальную ценность. Этот факт дает основание признавать охраняемые уголовным законом интересы и блага не просто ценностными феноменами, а феноменами, обладающими всеобщей, конституционной ценностью. В широком смысле можно утверждать, что объект преступления и есть конституционно значимые ценности.

Объективно существующие различия между конституционными ценностями и объектом преступления состоят в том, что ценности могут быть объектом посягательства не только со стороны правонарушителей, но и со стороны государства в ситуациях, восходящих к классическому пониманию нарушения прав человека и неправовой политики; кроме того некоторые конституционные ценности крайне абстрактны и недоступны для непосредственного воздействия со стороны причинителя вреда. Существующие различия позволяют установить соотношение конституционных ценностей и объекта преступления: не все конституционные ценности могут выступать в качестве объекта преступления, но всякий объект преступления есть вместе с тем конституционная ценность.

Генетическая связь объекта преступления с конституционными ценностями закономерно обуславливает необходимость обращения к теории конституционных ценностей для познания проблем значимости и иерархии объектов, а также непосредственно связанной с этим оценки общественной опасности преступлений. Анализ этих проблем позволил обосновать следующие выводы:

- в отсутствие установленной на уровне Конституции РФ иерархии конституционных ценностей и признания конституционных ценностей равнозначимыми, все объекты преступления, будучи по природе своей конституционно значимыми ценностями, являются равновеликими и не могут сопоставляться друг с другом по шкале от менее ценных к более ценным; в силу этого надо признать бесосновательными попытки сопоставления общественной опасности преступлений, исходя из содержания их объекта;

- в таких условиях особое звучание приобретает дифференциация показателей общественной опасности преступления на качественные (характер) и количественные (степень). Характер опасности сам по себе не является показателем большей или меньшей опасности преступления. В основе оценки опасности деяний лежит не сам по себе объект преступления, а степень его повреждения, вероятные и реальные последствия и иные обстоятельства;

- сравнительная оценка конституционных ценностей, не позволяя выстроить их иерархию, тем не менее позволяет соотнести между собой в каждой конкретной правотворческой и правоприменительной ситуации конкурирующие ценности в целях определения между ними баланса; именно на основе такой

оценки должны приниматься решения как о криминализации деяний (сопоставляя значимость нарушаемой виновным конституционной ценности и ценности его прав и свобод), так и о применении закона (сопоставляя законность и справедливость при освобождении от ответственности, положительные и отрицательные эффекты при назначении и исполнении наказания и т.д.);

– категория баланса конституционных ценностей должна занять свое место в уголовно-правовом учении об объекте преступления. Именно такой баланс как конституционно гарантированное состояние бесконфликтного сосуществования и реализации интересов отдельного лица и интересов всего общества может рассматриваться в качестве общего объекта всех преступных посягательств.

В § 3 «Уголовно-правовой запрет и ограничение прав и свобод человека: проблемы соотношения» исследуется проблема взаимодействия двух базовых правовых доктрин – уголовно-правового запрета в уголовно-правовой науке и прав человека в конституционно-правовой науке. Установлено, что связь уголовно-правового запрета и ограничения прав человека в структурном отношении распадается на три компонента.

1. Оценка преступления как нарушения прав человека. Понятия «нарушение прав человека» и «преступление» являются пересекающимися: нарушение прав охватывает собой деяния, не относящиеся к сфере преступного, но не все преступления могут расцениваться как нарушение прав человека. Предпосылкой признания части преступлений формой нарушения прав человека должно стать различие «основных» и «отраслевых» прав человека. Вопрос о том, что именно считать основными правами и свободами, всецело расположен в области теории прав человека. Однако нарушение основных прав и свобод человека со стороны частных лиц всегда должно быть криминализировано.

2. Оценка диспозиции уголовно-правовой нормы с точки зрения ограничения прав человека как субъекта охраняемых уголовным законом отношений. Уголовно-правовой запрет в его диспозитивной части не является формой ограничения права и не может подлежать конституционной проверке с точки зрения соблюдения критериев правовых ограничений. Проверке может подлежать лишь тот аспект диспозиции уголовно-правового запрета, который связан с соблюдением правил криминализации, то есть отбора и описания в законе наиболее опасных форм нарушения установленных правоограничений. Этот тезис подтверждается общим правилом о допустимости криминализации только неправомерных деяний. Отсюда:

– поскольку противоправность нарушений основных прав и свобод человека определена тем, что они нарушают общие конституционные предписания о недопустимости посягательств на основные права и свободы, сам запрет на такие нарушения не является ограничением прав и свобод, напротив, отсутствие уголовно-правового запрета на совершение такого рода деяний, а равно неэффективность механизма его реализации справедливо рассматривать как неисполнение государством возложенной на него позитивной обязанности

обеспечить неприкосновенность и гарантированность этих прав и свобод и, следовательно, как их нарушение со стороны государства.

– противоправность деяний, которые не посягают на основные права и свободы человека, обусловлена нарушением предварительно сконструированных государством отраслевых правовых ограничений для субъектов охраняемых уголовным законом отношений, а потому уголовно-правовой запрет, будучи по своей природе вторичным правовым образованием, не может рассматриваться как ограничение прав или свобод участников этих отношений, поскольку такое ограничение задано отраслевым правовым регулированием. Конституционность диспозитивной части уголовно-правового запрета в этом случае может быть поставлена под сомнение с точки зрения стандартов ограничения прав человека только в случае, когда предшествующее уголовно-правовому запрету отраслевое правовое ограничение является неконституционным либо когда установление уголовно-правового запрета не соответствует отраслевым правовым ограничениям.

3. Оценка санкции уголовно-правовой нормы с точки зрения ограничения прав субъекта уголовно-правового отношения. В данном случае необходимо различать, с одной стороны, наказание как элемент санкции, подкрепляющей тот или иной правовой запрет, и наказание как меру государственного воздействия, назначенную по приговору суда. Если анализировать уголовное наказание как реальную меру воздействия в отношении лица, совершившего преступление, следует понимать, что такое наказание не является формой ограничения прав человека, поскольку: а) установлено в приговоре суда, а не в законе; б) применяется в целях, отличных от тех, что закреплены в ч. 3 ст. 55 Конституции РФ; в) обладает карательным, а не правозащитным содержанием. Как индивидуальная мера государственного воздействия назначенное наказание не подлежит контролю и проверке со стороны Конституционного суда РФ. Иной взгляд диктует исследование наказания с точки зрения восприятия его как части уголовно-правового запрета. Здесь оно может мыслиться как форма ограничения прав человека, поскольку: а) установление наказания имеет всеобщий характер и осуществляется на уровне закона; б) санкционирует отраслевую противоправность описанного в диспозитивной части уголовно-правового запрета поведения и преследует общие с этим запретом цели, провозглашенные ч. 3 ст. 55 Конституции РФ; в) может подлежать конституционной проверке на предмет соответствия критериям ограничения прав человека.

Глава 5 «Институт уголовного наказания в конституционном измерении» посвящена анализу конституционных основ конструирования и применения наказания.

В § 1 «Конституционные основы понимания уголовного наказания в системе мер противодействия преступлениям» концептуализация проблемы конституционных основ уголовного наказания как индивидуализированной меры воздействия осуществлена посредством выявления его принципиальных отличий от иных мер, применяемых в связи с совершением преступления.

1. Уголовное наказание и превентивные меры индивидуального характера, применяемые на предкриминальной стадии. Превентивные меры («пред-наказание») как ограничение прав человека, не совершившего правонарушения, но обладающего повышенным риском его совершить: а) принципиально допустимы, поскольку соответствуют конституционным основаниям ограничения прав и свобод; б) могут применяться только в случае, когда подтвержден факт поведения, свидетельствующий о правонарушающем и (или) опасном поведении лица, и подтверждены свидетельства того, что лицо, допустившее такое поведение, обладает повышенными рисками повторения соответствующих поведенческих актов; в) могут быть содержательно тождественны некоторым традиционным уголовным наказаниям; г) должны назначаться в состязательной судебной процедуре с гарантиями прав лиц, в отношении которых они применяются. Внешнее разграничение наказаний и «пред-наказаний» состоит в основаниях, порядке и форме применения. Внутренние различия обусловлены тем, что преступление детерминирует наказание сущностно и содержательно.

2. Уголовное наказание и процессуальные меры обеспечительного характера. Меры, связанные с обеспечением возможности расследовать уголовное дело и исполнить приговор, будучи конституционно оправданными, объективно являются собой ограничение прав и свобод человека и в этом отношении содержательно близки уголовному наказанию, от которого существенным образом отличаются по форме возложения и целям применения. Они не выражают собой осуждения, кары, не предопределяются содержанием и степенью виновности лица, не направлены на решение задач восстановления справедливости, поддержания нарушенных преступлением конституционных ценностей, исправления и реабилитации лица, совершившего преступление.

3. Уголовное наказание и компенсаторные меры. В нормах уголовного законодательства компенсаторные меры представлены: а) как предварительное условие освобождения лица, совершившего преступление, от уголовной ответственности; б) как содержание меры правового воздействия, которая применяется на основании судебного решения взамен уголовной ответственности или наказания. Но в обеих ситуациях компенсация не преследует целей уголовного наказания. Меры компенсаторного характера, хотя и предполагают наличие вины нарушителя, но лишь в качестве общего условия применения, они предопределяются не содержанием вины, а видом и размером причиненного вреда. Учитывая это, идея компенсации причиненного вреда посредством уголовного права должна реализовываться посредством иных, нежели наказание, мер уголовно-правового характера.

4. Уголовное наказание и иные меры уголовно-правового характера. На роль мер уголовно-правового характера могут претендовать только реальные правоограничительные меры, применение которых связано с совершенным общественно опасным деянием (наказание, меры медицинского характера, принудительные меры воспитательного воздействия, конфискация имущества,

судебный штраф, правоограничения, которые налагаются на условно осужденных и условно-досрочно освобожденных от наказания). Качественное отличие наказания от иных мер уголовно-правового характера состоит в его целях, связи с преступлением и виной.

5. Уголовное наказание и иные правовые последствия совершения преступления. Совершение преступления изменяет, вплоть до прекращения, многие правовые отношения, участником которых было виновное лицо. В рамках этих «иных» отношений на лицо, совершившее преступление, могут быть возложены определенные меры ответственности. Их наличие в правовой системе предопределено принципиальной допустимостью реализации нескольких видов ответственности в случае, когда совершенное лицом деяние содержит в себе правовые основания для каждой из них.

6. Уголовное наказание и административное наказание. Содержательно они связаны с ограничением прав и свобод лица, хотя объем заложенных в административных и уголовных наказаниях ограничений различный. Вместе с тем признак суровости правоограничений не является решающим при разрешении вопроса об их разграничении. Главное отличие состоит в том, что административное наказание не выражает морального упрека лицу, совершившему проступок, не содержит в себе осуждения; оно подчеркнуто карательно и превентивно.

В качестве общего вывода установлено: защита публичных интересов конституционно легитимирует и наказание, и многие иные правоограничительные меры; однако наказание обладает специфическими конституционно значимыми признаками, позволяющими его обособить в общем ряду правоограничений, это: признание правовым последствием преступления, детерминация виновностью, воплощение морального упрека преступнику со стороны государства и цель исправления виновного.

В § 2 «Уголовное наказание как ограничение прав и свобод человека: цели и содержание» наказание исследуется в контексте конституционных положений об основаниях, целях и пределах ограничения прав граждан.

1. Уголовное наказание как форма ограничения прав и свобод. С точки зрения условий конституционной легитимации наказание есть относящееся к исключительному ведению и усмотрению федерального законодателя, временное, не подлежащее расширительному толкованию и произвольному применению, «позитивное», подлежащее двойному санкционированию на конституционном и законодательном уровне, соразмерное, пропорциональное, минимально необходимое, адекватное, обладающее свойством правовой определенности и преследующее цели достижения баланса конституционно защищаемых ценностей и интересов ограничение прав и свобод человека, имеющее такое же естественное происхождение, как сами права и свободы.

2. Уголовное наказание как мера, установленная законом. Первое требование здесь состоит в том, что закон, предусматривающий наказание, должен быть

федеральным. С этой точки зрения выявляется не только изначальная неконституционность создания региональных уголовных законов, но и ставится под сомнение легитимность административно-деликтного законодательства субъектов федерации. Второе требование к закону – его правовая определенность. Проблема определенности возникает в связи с наличием в системе наказаний таких его видов, которые могут быть назначены по усмотрению суда, при отсутствии непосредственного указания на них в санкции статьи Особенной части УК РФ. В работе доказано, что вопрос, в какой именно части закона будет содержаться указание на допускаемое этим законом правоограничение, есть вопрос юридической техники и не имеет решающего значения для оценки качества самого закона.

3. Цели правоограничений в уголовном наказании. Сопоставление целей наказания и конституционно декларируемых целей ограничения прав и свобод показало, что только предупреждение преступлений как на уровне угрозы наказанием (со стороны всех граждан, находящихся под юрисдикцией закона), так и на уровне реального применения наказания (со стороны конкретного осужденного лица) в полной мере соответствует конституционным стандартам правоограничений. Цель восстановления социальной справедливости не может легитимировать наказание, поскольку превращает его в демонстрацию справедливого воздаяния за проявленную осужденным несправедливость, что не соответствует конституционным стандартам ограничения прав и свобод человека. Цель исправления осужденных также не имеет в России прямых конституционных оснований (как в некоторых зарубежных странах). Наказание, если его содержание понимать только как ограничение прав человека, не может достичь цели исправления. Однако поскольку содержание наказания охватывает собой и правоограничения, и воспитательно-реабилитационные программы, цель исправления может получить обоснование лишь как элемент пенитенциарной реабилитационной практики, как желаемый результат морально-психологического воздействия на личность.

4. Содержание правоограничений в уголовном наказании. Правоограничения, которым подвергается наказанное лицо, необходимо дифференцировать на те, что выступают частью наказания, и те, что непосредственно связаны с наказанием, обеспечивают его исполнение и составляют часть «режима наказания».

Полный объем правоограничений, которые связаны с исполнением уголовных наказаний, определяется в уголовно-исполнительном законодательстве. Это предъявляет особые требования к содержанию уголовно-исполнительных норм, которые, определяя неизбежно связанные с исполнением наказания ограничения, не выходили бы за пределы ограничений, составляющих суть уголовного наказания, не порождали дополнительных, не предусмотренных природой и целями наказания ограничений прав и свобод осужденного лица. Правоограничения в процессе исполнения наказания (обязательное привлечение к

труду, ограничение свиданий и др.) могут быть введены лишь как необходимые ограничения, обеспечивая не только правопослушное поведение осужденных в период отбывания наказания и их исправление, но и подготовку к освобождению.

Ограничения прав и свобод, составляющие сущность уголовного наказания, определяются именно в уголовном законе и имеют свою специфику. Они не должны касаться «сути личности», не должны приводить к ситуации, в которой сами эти права и свободы утрачивают смысл, не должны быть жестокими или унижать человеческое достоинство. В остальном законодатель вправе самостоятельно устанавливать виды и пределы наказаний. Российская Конституция (в отличие от конституций некоторых зарубежных стран) в целом содержит лишь самые общие установки, касающиеся допустимых при конструировании системы уголовных наказаний ограничений прав и свобод. Это обуславливает необходимость разработки теоретической концепции конституционно допустимых наказаний. Ее формирование должно осуществляться в двух встречных направлениях: а) со стороны конституционного права следует определить права и свободы человека, которые ни при каких обстоятельствах не могут быть ограничены уголовным наказанием; б) со стороны уголовного права необходимо определить те права и свободы, ограничение которых может оказаться наиболее эффективным для достижения целей уголовного наказания. В качестве основы такой концепции установлено, что не должны подлежать ограничению в качестве уголовного наказания право человека на жизнь, равенство, неприкосновенность частной жизни, неприкосновенность жилища, право пользования родным языком, свобода убеждений, совести и вероисповедания, свобода мысли и слова, право на образование, государственную защиту и некоторые иные. Рациональным и достаточным для конструирования наказания следует признать лишение или ограничение трех конституционных благ: физической свободы, собственности и прав на занятие отдельными видами деятельности.

В § 3 «Соразмерность ограничения прав и свобод как условие конституционности наказания» отмечается, что принцип соразмерности как важнейший элемент глобального конституционализма, предполагающий необходимость умеренного осуществления государственной власти в отношении индивидов, предопределяет содержательные границы уголовного наказания в качестве пропорциональной меры, отвечающей условиям «крайней необходимости» в демократическом обществе. Отсюда вытекает ряд требований к наказанию, последовательно проанализированных в работе.

1. Недопустимость кары пределами уголовной ответственности. Правоограничения, которые государство вправе применить к лицу, совершившему преступление, должны быть содержательно и в целевом отношении связаны либо с самим фактом совершения правонарушения и в этом смысле выступать в качестве меры ответственности, обоснованной прошлым противоправным поведением, либо с теми рисками, которые порождает виновное лицо, и в этом смысле выступать в качестве превентивных правоограничений, призванных обеспечить безопасность

конституционных ценностей. Если какое-либо ограничение прав и свобод применяется к лицу, совершившему преступление, за пределами уголовной ответственности или мер индивидуальной профилактики, только на том основании, что это лицо совершило преступление; если такое правоограничение не преследует соответственно предупредительных или исправительных целей, и тем более если оно следует вне судебного контроля (автоматически или в административном порядке), оно не может рассматриваться в качестве необходимой и соразмерной меры, даже если предусмотрено федеральным законом (по этим основаниям были дисквалифицированы предписания законов о лишении осужденных жилищных прав и статуса вынужденного переселенца). Как только и если не предусмотренные непосредственно в уголовном законе правоограничения демонстрируют наличие таких связей, их конституционность, не будучи априори предустановленной, может быть тем не менее вполне оправданной (как в ситуации с ограничением и лишением осужденных избирательных прав).

2. Дифференциация уголовного наказания. Градация объемов правоограничений является многоступенчатой правовой программой, охватывающей решения на законотворческом («дифференциация») и правоприменительном («индивидуализация») уровнях. При дифференциации наказания законодатель: а) конструирует различные виды наказаний с различным объемом и видом правоограничений; б) конструирует различающиеся между собой и альтернативные санкции; в) определяет критерии, позволяющие суду индивидуализировать уголовное наказание. Дифференциация уголовной ответственности и уголовного наказания по определению вторгается в область правового регулирования, заданную принципом юридического равенства. Однако решение возникающих здесь проблем (например, недопустимость применения наказаний к отдельным категориям лиц) не должно аргументироваться изолированным толкованием либо принципа гуманизма, либо принципа равенства. Дифференциация основывается на одновременном соблюдении и балансе этих принципов. В этом ее принципиальное отличие от индивидуализации наказания, в рамках которой суд не лишен возможности аргументировать различия в наказании преступников приоритетным действием какого-либо одного принципа, например гуманизма при наказании женщин или справедливости при наказании ранее судимых.

3. Соразмерность наказания. Соразмерность должна проявляться на уровне закона и на уровне правоприменения. При этом конституционному контролю подлежит только практика определения уголовных наказаний на уровне закона. С одной стороны, законодатель обладает широким усмотрением в вопросе конструирования наказаний и санкций, с другой стороны, конституционное требование «необходимости» и «пропорциональности» задает этому усмотрению определенные рамки. Среди них: недопустимость избыточного государственного принуждения, не адекватного тому вреду, который причинен в результате правонарушения; необходимость учитывать требования адекватности

порождаемых наказанием последствий (в том числе для лица, в отношении которого эти меры применяются) тому вреду, который был причинен; учет фактического состояния общественных отношений в конкретно-исторических условиях. С учетом этих требований соразмерность наказаний должно оцениваться как в контексте правил их назначения, так и с точки зрения адекватности общественной опасности преступления (как это имело место применительно к санкциям ст. 212.1 и 159.4 УК РФ).

4. Недопустимость жестокого и бесчеловечного наказания. Вопросы соответствия наказания требованиям справедливости и запрету жестокости должны рассматриваться раздельно. Признание наказания несоразмерным не предполагает вывода о его жестокости и бесчеловечности, в то время как признание наказания жестоким избавляет от исследования вопроса о его соразмерности; хотя явная непропорциональность наказания и может быть оценена как жестокость. Право на защиту от жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания носит абсолютный характер и не может быть отменено ни при каких обстоятельствах. При его обеспечении государство обладают существенно меньшими возможностями усмотрения, нежели при обеспечении права на справедливое наказание. Ситуация с соблюдением этого права осложняется тем, что жестокое, бесчеловечное или унижающее достоинство обращение и наказание представляет собой оценочное понятие, которое конкретизируется в индивидуальном юридическом деле правоприменителем (его анализ и формулировки *in abstracto* затруднительны); границы жестокости и бесчеловечности имеют выраженный культурно-исторический контекст, а само понятие жестокости релятивно и изменчиво; для оценки конституционности наказания нет принципиальных различий между жестоким обращением и жестоким наказанием, хотя жестокое и бесчеловечное обращение с наказанным не предполагает с необходимостью, что само наказание является жестоким и бесчеловечным. Эти сложности не должны рассматриваться как непреодолимые, они в любом случае позволяют признать безусловно жестокими и недопустимыми телесные наказания, пожизненное лишение свободы без права на досрочное освобождение и смертную казнь.

В заключении подводятся теоретические итоги исследования, формулируются прикладные рекомендации.

СПИСОК НАУЧНЫХ ТРУДОВ, ОПУБЛИКОВАННЫХ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИОННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

**Научные статьи, опубликованные в изданиях,
индексируемых в международных научных базах:**

1. Гузеева, О.С. Constitutionalization of criminal law: the problem of defining the object and subject of the legal process / О.С. Гузеева // Вестник Томского государственного университета. Серия Право. – 2022. – № 43. – С. 41 – 55 (0,8 п.л.).

2. Guzeeva, O.S. Abuse of the right by civil servants in the aspect of the basis of criminal liability / O.S. Guzeeva // *Cuestiones Políticas*. – 2022. - Vol. 40. - № 72, - p. 813 – 822 (0,6 п.л.).

3. Гузеева, О.С. Конституционные основы уголовной ответственности за злоупотребление правами и свободами / О.С. Гузеева // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2021. – Вып. 51. – С. 132 – 152 (2,0 п.л.).

4. Гузеева, О.С. Constitutional framework of criminal liability for abuse of rights and freedoms / О.С. Гузеева // Всероссийский криминологический журнал. – 2021. – Т. 15, № 2. -с. 199 – 209 (1,2 п.л.).

ПЕРЕЧЕНЬ ВАК

(приравнивается к международным базам цитирования)

5. Гузеева, О.С. Соразмерность ограничения прав и свобод как условие конституционности наказания / О.С. Гузеева // Российское правосудие. – 2022. – № 4. – С. 53 – 72 (1,7 п.л.).

Научные статьи, опубликованные в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК при Минобрнауки России (приравнивается к Перечню РУДН до 31.12.2019):

6. Гузеева, О.С. Некоторые аспекты противодействия торговле людьми / О.С. Гузеева // Российский журнал правовых исследований. – 2016. – Т. 3, № 3 (8). – С. 184 – 188 (0,5 п.л.).

7. Гузеева, О.С. Проблемы квалификации преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности / О.С. Гузеева // Общество и право. – 2014. – № 3 (49). – С. 95 – 98 (0,5 п.л.).

8. Гузеева, О.С. Уголовная политика в отношении преступлений, совершаемых в российском сегменте сети «Интернет» / О.С. Гузеева // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2014. – № 6. – С. 74 – 77 (0,4 п.л.).

9. Гузеева, О.С. Проблемы квалификации насильственных исчезновений / О.С. Гузеева // Уголовное право. – 2014. – № 5. – С. 44 – 47 (0,5 п.л.).

10. Гузеева, О.С. Действие Уголовного кодекса России в отношении интернет-преступлений / О.С. Гузеева // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2013. – № 10. – С. 15 – 19 (0,5 п.л.).

11. Гузеева, О.С. Квалификация мошенничества в российском сегменте сети Интернет / Гузеева О.С. // Законность. – 2013. – № 3 (941). – С. 21 – 24 (0,3 п.л.).

12. Гузеева, О.С. Учет и квалификация преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности / О.С. Гузеева // Законность. – 2017. – № 8 (994). – С. 46 – 50 (0,4 п.л.).

13. Гузеева, О.С. Проблемы учета и квалификации преступлений по многоэпизодным уголовным делам / О.С. Гузеева // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2016. – № 4 (54). – С. 76 – 80 (0,5 п.л.).

Научные статьи, опубликованные в рецензируемых научных изданиях, включенных в Перечень, утвержденный для публикации основных результатов диссертационных исследований, представляемых к защите в диссертационных советах РУДН:

14. Гузеева, О.С. Уголовное наказание и компенсаторные меры / О.С. Гузеева // Аграрное и земельное право. – 2021. – № 4 (196). – С. 134 – 137 (0,3 п.л.).

15. Гузеева, О.С. К вопросу о недопустимости кары пределами уголовной ответственности / О.С. Гузеева // Евразийский юридический журнал. – 2021. – № 4 (155). – С. 234 – 236 (0,5 п.л.).

16. Гузеева, О.С. Уголовная ответственность за незаконные действия при отсутствии регулятивного закона / О.С. Гузеева // Законность. – 2021. – № 9. – С. 46-50 (0,5 п.л.)

17. Гузеева, О.С. Общественная опасность преступления: конституционно-правовой и уголовно-правовой анализ / О.С. Гузеева // Lex Russica. – 2021. – Т. 74. - № 3. – С. 95 – 106 (0,9 п.л.).

18. Гузеева, О.С. О роли парламента в конституционализации уголовного закона / О.С. Гузеева // Актуальные проблемы российского права. – 2021. – № 2. – С. 146 – 152 (0,6 п.л.)

19. Гузеева, О.С. Уголовно-правовой запрет и ограничение прав и свобод человека: проблемы соотношения / О.С. Гузеева // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2021. – № 1 (56). – С. 47 – 57 (1,1 п.л.)

20. Гузеева, О.С. Конституционализация уголовного права Конституционным судом РФ / О.С. Гузеева // Законность. – 2020. – № 9. – С. 44 – 48 (0,4 п.л.).

21. Гузеева, О.С. Уголовно-правовой запрет и ограничение прав человека / О.С. Гузеева // Законность. – 2020. – № 12. – С. 39 – 43 (0,6 п.л.).

22. Гузеева, О.С. Юридикотехнические аспекты воплощения конституционных положений в уголовном законе / О.С. Гузеева // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2020. – № 4. – С. 73 – 80 (1,0 п.л.).

Научные статьи, опубликованные в иных научных изданиях:

23. Guzeeva, O.S. Abuse of law as a prerequisite for the criminalization of a socially dangerous act / O.S. Guzeeva // Laplage Em Revista. Vol. 7 (Extra-C). –2021. – p. 451 – 458 (0,7 п.л.).

24. Гузеева, О.С. Конституционные начала соразмерности и пропорциональности уголовного наказания / О.С. Гузеева // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2021. – № 3 (91). – С. 73 – 81 (1,0 п.л.).

25. Гузеева, О.С. Уголовное наказание как ограничение прав и свобод человека / О.С. Гузеева // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. – 2021. – № 4 (84). – С. 70 – 77 (0,5 п.л.).

26. Гузеева, О.С. Уголовно-правовое значение видов и содержания бланкетной части уголовно-правовой нормы / О.С. Гузеева // Вестник

Университета прокуратуры Российской Федерации. – 2021. – № 2. – С. 72 – 80 (0,6 п.л.).

27. Гузеева, О.С. Суд как субъект конституционализации уголовного права / О.С. Гузеева // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. – 2020. – № 1 (75). – С. 58 – 62 (0,5 п.л.).

28. Гузеева, О.С. Злоупотребление правом и превышение пределов права как формы преступного деяния: некоторые вопросы теории / О.С. Гузеева // Российская юстиция. – 2021. – № 4. – С. 56 – 61 (0,6 п.л.).

29. Гузеева, О.С. Противоправность как направленность преступления / О.С. Гузеева // Законы России. – 2021. – № 2. – С. 94 – 100 (1,3 п.л.).

30. Гузеева, О.С. Преступление как нарушение прав человека / О.С. Гузеева // Социально-политические науки. – 2020. – Т. 10. – № 4. – С. 65 – 69 (0,4 п.л.).

31. Гузеева, О.С. Статус лица, совершившего преступление, в уголовно-правовых отношениях / О.С. Гузеева // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2020. – № 4. – С. 93 – 98 (0,6 п.л.).

32. Гузеева, О.С. Правовой статус лица, совершившего преступление, в правовых позициях Конституционного суда РФ / О.С. Гузеева // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2020. – № 5 (120). – С. 54 – 58 (0,5 п.л.).

33. Гузеева, О.С. Конституционализация уголовного права как направление реализации конституционно-правовых норм / О.С. Гузеева // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2020. – № 2. – С. 29 – 33 (0,5 п.л.).

34. Гузеева, О.С. О понятии и целях конституционализации уголовного права / О.С. Гузеева // Вестник экономической безопасности. – 2020. – № 3. – С. 109 – 112 (0,4 п.л.).

35. Гузеева, О.С. Конституционализация уголовного права как процесс / О.С. Гузеева // Проблемы экономики и юридической практики. – 2020. – Т. 16. – № 4. – С. 219 – 225 (1,0 п.л.).

36. Гузеева, О.С. Некоторые вопросы теории общественной опасности преступления / О.С. Гузеева // Российский журнал правовых исследований. – 2020. – Т. 7. – № 4. – С. 66 – 73 (0,8 п.л.).

37. Гузеева, О.С. Взаимосвязь конституционно-правовых и уголовно-правовых отношений / О.С. Гузеева // Вестник Академии юстиции. – 2020. – № 1(3). – С. 35 – 45 (0,9 п.л.).

38. Гузеева, О.С. Субъекты конституционализации уголовного права / О.С. Гузеева // Правосудие. – 2020. – Т. 2. – № 2. – С. 170 – 194 (1,1 п.л.).

Монографии:

39. Гузеева, О.С. Проблемы теории конституционализации уголовного права / О.С. Гузеева. – М.: Проспект, 2021. – 448 с. (28 п.л.).

40. Гузеева, О.С. Преступление и наказание: конституционные основы уголовно-правовой концепции / О.С. Гузеева. – М.: Юрлитинформ, 2020. – 272 с. (18,7 п.л.).

41. Гузеева, О.С. Уголовно-правовая охрана бюджетных средств / под общ. ред. Н.И. Пикурова, Е.Н. Карабановой. – М.: Проспект, 2016. – 104 с. (0,6 п.л.; в соавт).

42. Гузеева, О.С. Преступления, совершаемые в российском сегменте сети Интернет: монография / О.С. Гузеева. – М.: Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации, 2015. – 136 с. (8,5 п.л.).

Конференции:

43. Гузеева, О.С. Уголовное наказание и процессуальные меры обеспечительного характера / О.С. Гузеева // Актуальные проблемы теории и практики применения уголовного закона: материалы VIII Международ. науч.-практ. конф. (М.: РГУП, 27.11.2020 г.) / отв. ред. А.В. Бриллиантов. – М.: Юрлитинформ, 2021. – С. 116 – 121 (0,5 п.л.).

44. Гузеева, О.С. Еще раз к вопросу о признании государства субъектом уголовно-правовых отношений / О.С. Гузеева // Проблемы теории и практики применения уголовного закона: сб. мат. V Международ. науч.-практ. конф. (М., РГУП, 27.11.2019) / под. ред. А.В. Бриллиантова, С.В. Склярова. – М.: РГУП, 2020. – С. 18 – 24 (0,4 п.л.).

45. Гузеева, О.С. Иерархия конституционных ценностей и объект уголовно-правовой охраны / О.С. Гузеева // Уголовная политика и культура противодействия преступности: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (11.09.2020 г.) / редкол.: А.Л. Осипенко, К.В. Вишневецкий, В.С. Соловьев, П.В. Максимов, И.А. Паршина, А.З. Хун. – Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2020. – С. 177 – 185 (0,6 п.л.).

46. Гузеева, О.С. Деформация некоторых институтов Общей части УК РФ в условиях развития информационно-правового пространства / О.С. Гузеева // Уголовное право в эпоху финансово-экономических перемен: Материалы IX Российского Конгресса уголовного права, состоявшегося 29-30 мая 2014 г. – М.: Юрлитинформ, 2014. – С. 14 – 18 (0,3 п.л.).

47. Гузеева, О.С. Проблемы квалификации преступлений, совершенных на территории иностранных государств, в соответствии с уголовным законодательством Российской Федерации / О.С. Гузеева // Актуальные проблемы применения уголовного права в практике прокурорской деятельности: сб. науч. ст. / под общ. ред. С.И. Никулина и Н.И. Пикурова. – М.: Акад. Ген. Прокуратуры Рос. Федерации, 2013. – С. 47 – 52 (0,4 п.л.).

48. Гузеева, О.С. Злостное неисполнение решения суда как нарушение конституционного права на судебную защиту / О.С. Гузеева // Актуальные проблемы юридической науки и практики: взгляд молодых ученых: сб. ст. по материалам VI науч.-практ. конф. молодых ученых (Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации, 28.06.2013 г.) / под ред. Т.Л. Козлова и К.В. Ображиева. – М.: Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации, 2014. – С. 96 – 100 (0,3 п.л.).

АННОТАЦИЯ

Гузеева Ольга Сергеевна

СИСТЕМООБРАЗУЮЩИЕ КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ УГОЛОВНОГО ПРАВА РОССИИ И МЕХАНИЗМЫ ИХ РЕАЛИЗАЦИИ

Диссертационное исследование посвящено разработке и аргументации фундаментальных положений концепции, определяющей содержание и механизмы конституционализации уголовного права.

В работе исследованы институциональные и системные характеристики механизма конституционализации уголовного права, проанализированы функциональные аспекты механизма реализации конституционных положений в уголовном праве и конституционные основы правового статуса государства и личности как субъектов уголовно-правовых отношений, конкретизированы конституционные представления об общественной опасности преступления в контексте анализа содержания и иерархии конституционных ценностей.

Результаты настоящего исследования имеют теоретическое и практическое значение и могут быть использованы как в дальнейших научных исследованиях, так и в законотворческой деятельности.

ANNOTATION

Guzeeva Olga Sergeevna

SYSTEM-FORMING CONSTITUTIONAL FOUNDATIONS OF RUSSIAN CRIMINAL LAW AND MECHANISMS FOR THEIR IMPLEMENTATION

The dissertation research is devoted to the development and argumentation of the fundamental provisions of the concept defining the content and mechanisms of the constitutionalization of criminal law.

The paper examines the institutional and systemic characteristics of the mechanism of constitutionalization of criminal law, analyzes the functional aspects of the mechanism of implementation of constitutional provisions in criminal law and the constitutional foundations of the legal status of the state and the individual as subjects of criminal law relations, specifies the constitutional ideas about the public danger of crime in the context of the analysis of the content and hierarchy of constitutional values.

The results of this study have theoretical and practical significance and can be used both in further scientific research and in legislative activity.